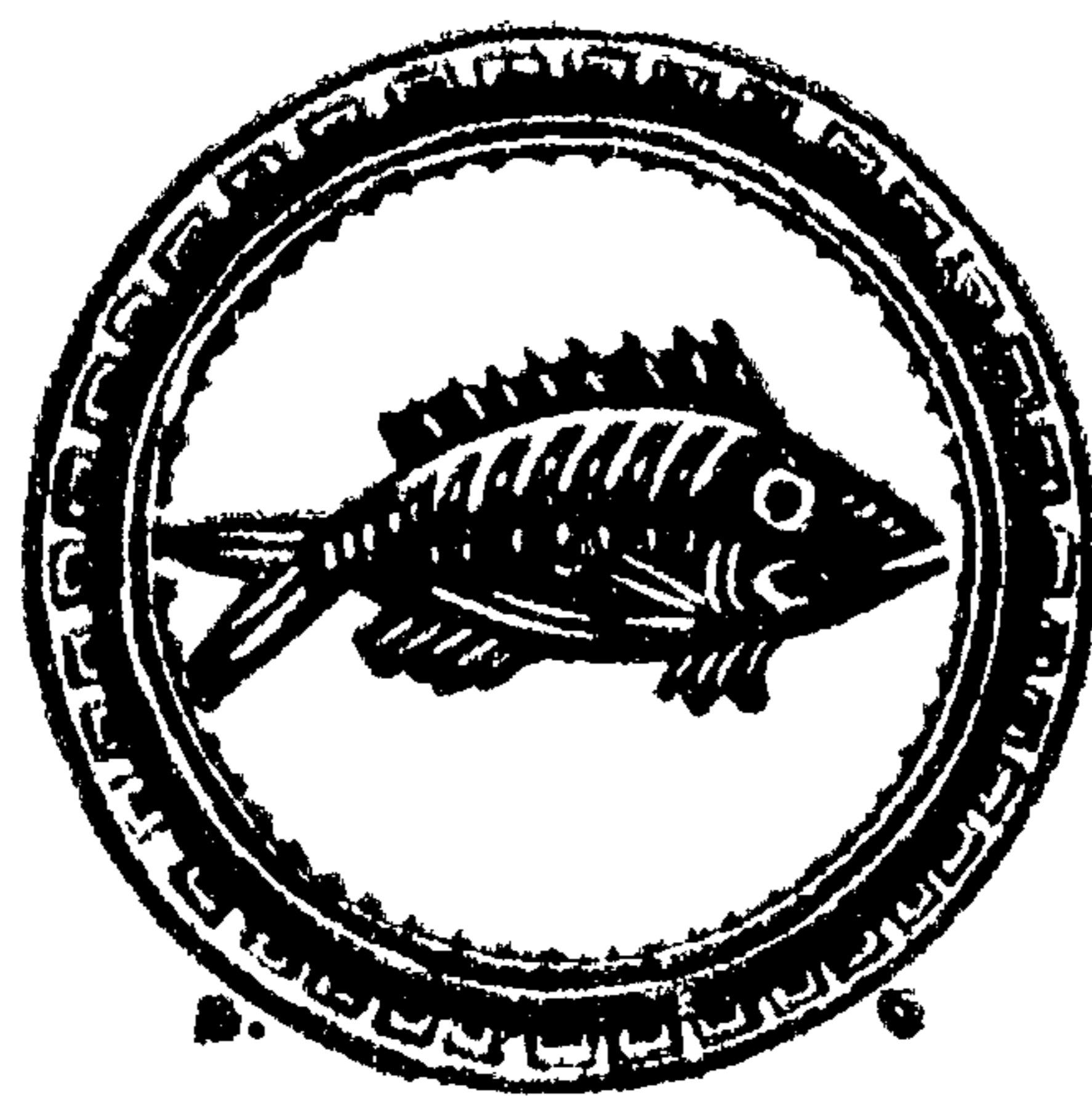

ПРОТ. СЕРГІЙ БУЛГАКОВЪ

СВВ. ПЕТРЪ И ІОАННЪ

ДВА ПЕРВОАПОСТОЛА

Y.M.C.A. PRESS
PARIS

Протоіерей СЕРГІЙ БУЛГАКОВЪ.

СВЯТЫЕ
ПЕТРЪ и ІОАННЪ

ДВА ПЕРВОАПОСТОЛА.

Y.M.C.A.-PRESS

—
Paris, 1926.

Printed in France.

I.

Въ дни земной жизни Спасителя Его окружало всегда множество народа (Мѡ. 4,25. 9,36. Лк. 6,17) слушать божественное ученіе, зрѣть чудеса Его. Но среди этого, всегда смѣняющагося, множества были и тѣ, которые разъ навсегда были удержаны въ Его близости, «слѣдовали за Нимъ и служили Ему» (Мр. 15,41). Были и такіе избранники, которыхъ любилъ Господь, «Марѡу, сестру ея и Лазаря», (Іо. 11,5. 11,36), «друга» Господа («Лазарь, другъ мой, уснулъ» Іо. 11,11). И были, наконецъ, апостолы, нарочито призванные Имъ быть свидѣтелями «Его дѣлъ и ученія» (Д. А. 1,8), избранные Сердцевѣдцемъ отъ всѣхъ людей избраннаго народа. Ихъ призвалъ Онъ лично и поименно (Мѡ. 4,18-21. 10, 1-5. 3,16-19. Лк. 6,13-16, Мр. 1,16-19) особымъ торжественнымъ избраніемъ, въ такихъ словахъ выраженномъ евангелистами: «взошелъ на гору и позвалъ ихъ къ Себѣ, *кого Самъ хотѣлъ* — *οὗς ἠθέλησεν αὐτός* и поставилъ — *ἐποίησεν* — (изъ нихъ) двѣнадцать, чтобы съ Нимъ были и чтобы посылать ихъ на проповѣдь, и чтобы они имѣли власть изцѣлять отъ болѣзней и изгонять бѣсовъ» (Мр. 3,13-14), причемъ, по свидѣтельству св. Луки, Онъ наканунѣ этого дня провелъ всю ночь въ молитвѣ: «въ тѣ дни взошелъ

Онъ на гору помолиться, и пребыль всю ночь въ молитвѣ къ Богу. Когда же наступилъ день, *призвалъ учениковъ Своихъ и избралъ* изъ нихъ — *ἐκλεγόμενος ἀπ' αὐτῶν* — двѣнадцать, которыхъ и *назвалъ апостолами*» (Лк. 6,12-13) Ихъ дѣлалъ Онъ свидѣтелями чудесъ, къ нимъ обращалъ Онъ свои поученія, Имъ наединѣ изъяснялъ притчи, ихъ Онъ посылалъ на проповѣдь (Мѡ. 10,5 слл. Мр. 3,14-15. Лк. 9,1-6). Кромѣ двѣнадцати (*οἱ δώδεκα*) были и еще другіе семдесятъ учениковъ, которые тоже посылаемы были на проповѣдь (Лк. 10,1-16) и о которыхъ Самъ Онъ свидѣтельствовалъ, что имена ихъ написаны на небесахъ (Лк. 10,20). И къ нимъ обращаясь, изрекъ Онъ: «блаженны очи, видящія то, что вы видите! Ибо сказываю вамъ, что многіе пророки и цари желали видѣть, что вы видите, и не видѣли, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Лк. 10,23-4). Св. апостолы и избранники Христовы составили Имъ установленную іерархію, степени которой и опредѣлялись приближеніемъ къ Нему: не то были только слѣдовавшіе за Нимъ и служившіе Ему отъ имѣній своихъ (Лк. 8,2-3), что апостолы, и не то семдесятъ, что двѣнадцать. Были и внутри двѣнадцати различія въ личной близости къ Учителю: такъ опредѣленно выдѣляются изъ двѣнадцати три: Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, которые избираются Имъ быть лицезрѣтелями тайнъ Божіихъ: Они единственно допускаются Имъ присутствовать при воскрешеніи дщери Іаировой (Мр. 5,37, Лк. 8,51), вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, только они *одни* — *μόνους* — нарочито — *κατ' ἰδίαν* — призываются на гору Преображенія (Мѡ. 17,1. Мр. 9,2. Лк. 9,28). Только ихъ троихъ беретъ Онъ въ Геѡсиманскій садъ (Мѡ. 26,37. Мр. 14,33) присут-

ствовать при молитвенномъ бореніи. Наконецъ, они же вкупѣ съ Андреемъ (единственный случай четверицы) на Елеонской горѣ внемлютъ рѣчамъ о концѣ міра. Изъ нихъ Іаковъ, братъ Іоанновъ, былъ усѣченъ мечемъ въ гоненіе Ирода (Д. А. 12,2.) и явился первымъ мученикомъ среди-апостоловъ. Кромѣ этой троицы, среди апостоловъ есть и двоицы: Господь и избираетъ не единолично, но двоицами друзей или братьевъ: Петръ и Андрей, Іаковъ и Іоаннъ, сыны Зеведеевы, Филиппъ и Вареоломей, Тома и Матѳей, Іаковъ Алфеевъ и Леввей, прозванный Тадеемъ, Симонъ Кананитъ и Іуда Искаріотъ (Мѳ. 10,2-4), причемъ и на проповѣдь они посылаются *по два* (δύο-δύο) (Мѳ. 6,7), также какъ и семдесятъ (Лк. 10,). Однако, эти дружескія двоицы не имѣютъ іерархическаго значенія и лишь указываютъ на внутреннее строеніе сонма апостольскаго «обанадесяте». Но есть одна двоица, имѣющая первостепенное и притомъ именно іерархическое значеніе: это Петръ и Іоаннъ. Но чтобы постигнуть ея смыслъ, намъ надо раньше выяснитъ то мѣсто среди двѣнадцати, которое принадлежитъ каждому изъ этихъ апостоловъ въ отдѣльности, ибо они имѣютъ свое особое и въ своемъ родѣ единственное положеніе. Начнемъ съ Петра.

II.

Извѣстно, какое значеніе получилъ вопросъ о «приматѣ» Петровомъ въ распрѣ восточной и западной церкви. Во многовѣковой полемикѣ, вызванной этой распрей, начиная съ Фотія (IX в.) и до нашихъ дней, подвергается

этотъ вопросъ всестороннему изученію и обсужденію, и, кажется, была изучена въ немъ и обсуждена каждая деталь. Поэтому здѣсь достаточно воспроизвести итоги изученія уже ранѣе сдѣланнаго. Естественно, что особое вниманіе къ особливому положенію ап. Петра *среди другихъ* учениковъ посвящается въ католическомъ богословіи. *).

Что Петру принадлежитъ особое, притомъ первенствующее мѣсто среди другихъ апостоловъ, противъ этого, конечно, не можетъ быть честнаго и разумнаго спора. Можно спорить о смыслѣ и значеніи этого факта, но не о самомъ фактѣ, — спорить о немъ, значитъ противиться волѣ самого Господа и Его избранію. Петръ первенствуетъ среди апостоловъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ является центромъ двѣнадцатицы. И это его положеніе, особое значеніе его служенія, обнаруживается изъ сопоставленія многочисленныхъ деталей, въ отдѣльности незначительныхъ, но въ совокупности выразительныхъ, наряду съ основными событіями его жизни и относящимися къ нему изреченіями Господа. Начнемъ съ частныхъ и деталей, чтобы затѣмъ обратиться къ основоположнымъ текстамъ. «*Petrum Christus excolit frequenter prae ceteris*» (d'Herbigny I, 213).

1. *Измѣненіе имени*, которое отмѣчено у всѣхъ евангелистовъ: Лк. 6,14: «Симона, котораго и назвалъ

*) Мы воспроизводимъ здѣсь итоги этого изученія опираясь преимущественно на новѣйшее обширное изслѣдованіе Michel d'Herbigny S. I. Theologia de Ecclesia, I-II, 2 изд. Paris. 1920-1.

Петромъ и Андрея, брата его»; Мѡ. 10,2: «первый Симонъ, называемый Петромъ, и Андрей, братъ его»; Мр. 3,16: (поставилъ) «Симона, нарекиши ему имя Петръ»; Ио. 1,42: «(Андрей) привелъ (Симона) къ Иисусу. Иисусъ же, взглянувъ на него, сказалъ: ты — Симонъ, сынъ Ионинъ; ты наречешься Кифа — что значитъ камень — *ὁ κληθήσῃ κηφας (ὁ ἐρμηνεύεται Πέτρος)*. Важность переименованія (πομεν ομεν) въ Ветхомъ Завѣтѣ достаточно выясняется изъ сопоставленія важнѣйшихъ его случаевъ: Аврамъ — Авраамъ, (Быт. 17,5), Иаковъ — Израиль (Быт. 32,28. 35,10). Значеніе переименованія выясняется позднѣе. Заслуживаетъ вниманія, что изъ другихъ апостоловъ получаютъ имя, нареченное Господомъ, лишь Иаковъ и Иоаннъ: Воанергесъ, т. е. сыны громовы (Мр. 3,17), слѣдовательно, особымъ переименованіемъ отмѣчается вся первотроица апостоловъ, этотъ тройственный коллективный центръ двѣнадцатерицы. Если разсматривать переименованіе Петрово въ пророчественномъ свѣтѣ грядущаго разговора на пути въ Кесарію Филиппову, то, разумѣется, и второе переименованіе не приходится низводить до намека на недоразумѣніе съ огнемъ противъ самарянъ (Лк. 9,52-6), но надо и въ немъ видѣть указаніе на особое призваніе сыновъ Зеведеевыхъ, и, въ частности, Иоанна (это отмѣтимъ для будущаго.).

2. Петръ въ спискѣ апостоловъ именуется *первымъ*: Мѡ. 10, 2-5, Мр. 3, 16-20, Лк. 6, 14-16, Д.А. 1,13; также и среди трехъ избранныхъ: Лк. 8, 51, Мр. 5, 37 (при воскресеніи дочери Іаира); Лк. 9, 28, Мѡ. 17, 1, Мр. 9, 2 (преображеніе); Мѡ. 26, 37, Мр. 14, 33, (Геѡсиманскій садъ); выраженіе для обозначенія апостольской колле-

гій: Петръ и иже съ нимъ *Σίμων καὶ οἱ μετ'αὐτοῦ*. Mr. 1, 36, Лк. 8, 45, 9, 32, Д. А. 2, 14.

3. Христось пользуется, какъ своимъ собственнымъ, челномъ Петра и его домомъ: Лк. 5, 3-10, рассказъ о чудесномъ ловѣ рыбѣ. И въ другихъ случаяхъ, когда упоминается *τὸ πλοῖον*, лодка, (Mr. 4, 36 сл., 6, 45 сл., Мө. 8, 23; 14, 22), при потивопоставленіи *ἀλλὰ πλοῖα*, можно подразумѣвать ладью Петрову. Въ Капернаумѣ Христось приходитъ въ домъ Петровъ (Мө. 8, 14, Лк. 4, 38, Мө. 1, 29), который становится настолько извѣстенъ, что всѣ приходятъ къ дверямъ его (Mr. 1, 33, Мө. 8, 16, Лк. 4, 40). Слѣдуетъ разумѣть домъ Петровъ, когда говорится просто *домъ* (Mr. 2, 1, Mr. 3, 20, Mr. 7, 17, Мө. 9, 10, 28; 13, 1, 36). Въ домѣ Петра происходитъ исторія съ уплатою подати, которая поручается также Петру: «отдай имъ за меня и за себя» (Мө. 17, 25-27). D'Herbigny, 1. 215-16*).

4. Сюда же относятся всѣ случаи первенства Петра, описанныя въ Дѣянїяхъ Апостоловъ: руководящая его роль при избранїи апостола на мѣсто Иуды (Д. А. 1, 15-22); первый проповѣдуетъ послѣ Пятидесятницы (Д. А. 2, 14-36), первый совершаетъ чудо исцѣленія хромого (Д. А. 3, 4-7), проповѣдуетъ въ храмѣ (3, 12-26), отвѣчаетъ передъ синедриономъ (4, 8-13), поражаетъ Ана-

*) D'Herbigny приводитъ для доказательства примата Петра и такіе примѣры, которые не могутъ не вызывать удивленїя: сюда относятся многочисленныя проявленїя личнаго темперамента Петра, не всегда для него благоприятныя: см. I, 217, Д. Даже кроткій укоръ въ Геосиманїи: Симоне, спиши? (Mr. 14, 37) попадаетъ въ реестръ примата.

нію (5, 1-11), первый принимаетъ въ церкви язычниковъ (10), открываетъ апостольскій соборъ рѣчью (15, 11), «*Petrus ergo, verbis et actibus Domini, certis praelatus est Apostolis*» (1, 222); *praxi apostolica, sicut et Christi dictis gestisque, patet singularis eminentia prae cunctis* (227) и эту *eminentiam* католическій богословъ, какъ обычно, старается ограждать отъ тѣхъ сомнѣній, которыя вызываются соотвѣтствующими сужденіями и заявленіями ап. Павла (1 Кор. 1, 11-12; 3, 21-23 и особенно Гал. 1, 17; 2, 8-9). При этомъ не приходится закрывать глаза и на тотъ случай, когда Петру и не принадлежитъ такая роль, и двѣнадцать выступаютъ непосредственно, какъ живое единство. Такой случай мы имѣемъ при поставленіи діаконівъ, т. е. на первыхъ же шагахъ апостольства: Д. А. 6, 2слл: «Тогда двѣнадцать (*οἱ δώδεκα*), созвавъ множество учениковъ, сказали: не хорошо намъ, оставивъ слово Божіе, пе- щись о столахъ... И угодно было это предложеніе всему собранію, и избрали Стефана и др., ихъ поставили передъ Апостолами и (сіи), помолившись, возложили на нихъ руки». Первое рукоположеніе было совершено «двѣнадцатью», апостольскимъ соборомъ безъ всякой особенной роли «примата» апостола Петра.

Однако, всѣ эти, какъ безспорныя, такъ и спорныя черты, свидѣтельствующія объ особенномъ положеніи Петра среди апостоловъ, получаютъ полный смыслъ и значеніе лишь въ связи съ основными («*solemniores*») текстами, въ которыхъ устанавливается «примать» Петра. Какъ извѣстно этихъ текстовъ три:—Мѡ. 16, 17-19; Лк. 22, 31-2; Іо, 21, 15-17. Къ нимъ и надо обратиться.

III

Воспроизведемъ сначала первый и самый основной текстъ, устанавливающій особое избранничество Петрово среди другихъ апостоловъ: «Пришедъ же въ страны Кесаріи Филипповой, Іисусъ спрашиваетъ *учениковъ Своихъ*: за кого люди почитаютъ Меня, Сына Человѣческаго? *Они сказали*: одни за Іоанна Крестителя, другіе за Ілію, а иные за Іеремію или за одного изъ пророковъ. Онъ говоритъ *имъ*: а вы за кого почитаете Меня? Симонъ же Петръ отвѣчая сказалъ: Ты — Христосъ, Сынъ Бога живаго». (Мѡ. 16, 13-16). Итакъ, Господь спрашивалъ *всѣхъ* Своихъ учениковъ сначала о томъ, за кого люди почитаютъ Его, и ученики отвѣчали, очевидно, въ непринужденной бесѣдѣ, высказывая каждый свои наблюденія, такъ что и отвѣты были, естественно, разные: одни слышали, что за Іоанна Крестителя, другіе — за Ілію, третьи за Іеремію или одного изъ пророковъ. И такъ какъ отвѣты были разные, то и отвѣчали многіе (если не всѣ). А затѣмъ Господь къ нимъ же ко всѣмъ обратилъ вопросъ, на который, хотя давалось и дается много отвѣтовъ, но долженъ быть только одинъ. Этихъ многихъ отвѣтовъ не послѣдовало, ибо отвѣтъ оказался одинъ, единственный и безусловный. Кѣмъ и какъ онъ могъ быть высказанъ? Здѣсь неумѣстно и даже невозможно было бы разногласіе и многогласіе: *одни-другіе*. Всѣ отвѣтили *какъ одинъ и черезъ одного*, и этимъ однимъ, представителемъ всего апостольскаго чина, какъ бы старшиной апостольства, явился Петръ, который и отвѣтилъ за всѣхъ, какъ это и сказано прямо въ Еван-

геліи: «а вы за кого почитаете Меня? Петръ же отвѣчая (*ἀποκριθεὶς*) сказалъ». И что онъ выразилъ не просто свое личное мнѣніе, но явился устами всего апостольства, это явствуетъ изъ всего контекста, гдѣ молчаніе другихъ апостоловъ не можетъ быть понято иначе, какъ молчаливое согласіе съ *исповѣданіемъ* Петра. Послѣдній совершилъ подвигъ вѣры и за это ублажаетъ его Господь. «Тогда Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: Блаженъ ты Симонъ, сынъ Іонинъ, потому что не плоть и не кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ» (Мѡ. 16, 17). Свидѣтельствуя, что Петръ удостоился стать здѣсь органомъ божественнаго вдохновенія, Господь съ нимъ и въ лицѣ его ублажаетъ*) и весь апостольскій чинъ, общую вѣру котораго Петръ исповѣдовалъ. И что то была, дѣйствительно, общая вѣра, явствуетъ изъ дальнѣйшаго повѣствованія Евангелія. Со стороны учениковъ не послѣдовало не только никакихъ вопросовъ или недоумѣній, которые были обычны для нихъ въ случаяхъ замѣшательства, но, очевидно, царило полное согласіе. Это явствуетъ изъ дальнѣйшихъ словъ: «тогда запретилъ ученикамъ своимъ, чтобы никому не сказывали, что Онъ есть Іисусъ Христосъ» (Мѡ. 16, 20). Значить, это

*) *Блаженнымъ* называются въ Евангеліи тѣ, кто исполняютъ законъ Христовъ и удостоиваются испытанія въ вѣрности ему: заповѣди блаженства! Ср. также текстъ Ев. Луки II, 27-28: блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшіе! А Онъ сказалъ: блаженны, слышащіе Слово Божіе и хранящіе его. Ср. также въ притчѣ о рабахъ: блаженны рабы, которыхъ господинъ пришедши застанетъ бодрствующими. Лк. 12, 37, 43.

знали всѣ апостолы. Эта же черта еще явственнѣе выступаетъ въ болѣе сжатомъ, но потому и болѣе выразительномъ повѣствованіи о томъ же у ев. Марка и ев. Луки. Мр. 8, 29-30: «Онъ говоритъ *имъ*: а вы за кого почитаете меня? *Петръ* сказалъ Ему въ отвѣтъ: Ты — Христось. И запретилъ *имъ*, чтобы никому не говорили о Немъ». Этотъ краткій рассказъ нельзя иначе понять, какъ въ томъ смыслѣ, что *Петръ* отвѣтилъ за всѣхъ и отъ лица всѣхъ, и при томъ то, что думали всѣ. Ср. Лк. 9, 20-21: «Онъ же спросилъ *ихъ*; а вы за кого почитаете Меня? *Отвѣтилъ Петръ*: за Христа Божія. Но онъ строго приказалъ *имъ* никому не говорить о семъ». Рассказъ ев. Луки вполне совпадаетъ здѣсь съ повѣствованіемъ ев. Марка. Оба эти повѣствованія въ отношеніи къ болѣе пространному рассказу у ев. Маттея даютъ *схему* событія, достаточно ясную и тамъ, которая оставляетъ внѣ сомнѣнія, что исповѣданіе Петра принадлежитъ *всѣмъ* апостоламъ нераздѣльно, и *Петръ* здѣсь является *устаами* апостоловъ. Поэтому, не умаляя значенія Петра, которому было дано здѣсь выступить представителемъ *всего* апостольства, слѣдуетъ ни на минуту не упускать изъ вида *двойственного* характера этого выступленія, личнаго и коллективнаго, чтобы по надлежащему уразумѣть и обращенное къ нему обѣтованіе Спасителя. Петру было свойственно выступать отъ лица всѣхъ апостоловъ, въ силу стремительности его темперамента и не всегда притомъ проявлявшагося въ одинаково благопріятномъ для него смыслѣ, какъ мы уже знаемъ: при хожденіи Христа по морю, *Петръ* устремляется къ Нему на встрѣчу, но

пугается и слышитъ упрекъ Учителя въ маловѣрїи (Мѡ. 14, 28-31), припадаетъ къ колѣнамъ Іисуса послѣ чудеснаго лова, свидѣтельствуя о своей грѣховности (Лк. 5, 8); прекословить Христу послѣ рѣчи Его о страданїяхъ (Мѡ. 16, 23); спрашиваетъ отъ лица всѣхъ учениковъ: «вотъ мы оставили все и послѣдовали за Тобою, что же будетъ намъ? (Мѡ. 19, 27, Лк. 12, 41). Неоднократно Петръ отвѣчаетъ изъ среды окружающихъ, какъ при исцѣленїи кровоточивой: Лк. 8, 45; 12, 41; 13, 36; 11, 21; спрашиваетъ объясненїя притчи: Мѡ. 8, 29, Лк. 9, 28; на горѣ Преображенїя Петръ хочетъ построить три кущи: Мр. 9, 5, Мѡ. 17, 4, Лк. 9, 33; противится омытію ногъ: Іо. 13, 6, проситъ изъяснить притчу: Мѡ. 15, 15; отвѣчаетъ отъ лица двѣнадцати: «Господи, къ кому намъ итти? Іо. 6, 68; утверждаетъ, что если всѣ соблазнятся, то онъ не соблазнится: Мк. 14, 29, Мѡ. 26, 33, ср. Лк. 22, 33, Іо. 13, 37, (на что и слышитъ въ отвѣтъ пророчество о своемъ отреченїи), противится омовенїю ногъ: Іо. 13, 6-9; пытается защитить Учителя мечемъ, за что также заслужилъ порицанїе: Іо. 18, 10-11, Мѡ. 26, 51-4.

Итакъ, въ отвѣтъ Петра отъ лица всѣхъ апостоловъ не было вообще необычнаго, онъ соотвѣтствовалъ, прежде всего, его личному характеру, помимо особыхъ его полномочій въ средѣ апостольской. Однако, въ данномъ случаѣ, исключительно по своей важности и торжественности, это полномочїе говоритъ одному за всѣхъ молчаливо предоставляется ему всѣми апостолами, а, главное, подтверждается самимъ Христомъ, который въ его лицѣ обращается ко всему апостольству, приз-

навая въ немъ *его представителя*, такъ сказать *утверждавая его въ первостоятельство*. Однако, невѣрно, чтобы значительность отвѣта связана была лишь съ его содержаниемъ. Нельзя утверждать, чтобы Петромъ впервые была выражена вѣра въ Иисуса, какъ Христа и Сына Божія. Это исповѣданіе неоднократно было произнесимо раньше, согласно повѣствованію Евангелія уже при первомъ призваніи апостоловъ. Наѳанаиль (Вареоломей), одинъ изъ двѣнадцати, присутствовавшей, стало быть, и на пути въ Кесарію, въ отвѣтъ на слова Христа, что онъ видѣлъ его подъ смоковницей, произноситъ исповѣданіе Петрово: «Равви! Ты — Сынъ Божій, Ты — Царь Израилевъ.» Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: «ты вѣришь, потому что Я сказалъ тебѣ: «Я видѣлъ тебя подъ смоковницей», увидишь больше сего» (Іо. I, 49-50). О томъ же свидѣтельствовалъ Іоаннъ Креститель предъ учениками своими: «Не я Христосъ, но посланъ предъ Нимъ.. Тотъ, котораго послалъ Богъ, говоритъ слова Божія... Отецъ любитъ Сына и все далъ въ руку Его. Вѣрующей въ Сына, имѣетъ жизнь вѣчную» (Іо. 3, 28-35). Эту же вѣру получила отъ самого Спасителя и свидѣтельствовала своимъ соотчичамъ жена Самаряныня, которой открылся Господь: «женщина говоритъ Ему: знаю, что придетъ Мессія, то есть Христосъ; когда Онъ придетъ, то возвѣститъ намъ все. Иисусъ говоритъ ей: это Я, который говорю съ тобою... Тогда женщина оставила водоносъ свой и пошла въ городъ и говоритъ людямъ: «пойдите, посмотрите Человѣка, который сказалъ мнѣ все, что я сдѣлала: не Онъ ли Христосъ?... А женщинѣ той говорили (самаряне):

уже не по твоимъ рѣчамъ вѣруемъ; ибо сами услышали и узнали, что Онъ есть истинно Спаситель міра — Христосъ» (Іо. 4, 25-6, 28-9, 42). Далѣе и самъ Петръ произносилъ уже ранѣе, при другихъ обстоятельствахъ, такое же исповѣданіе вѣры и опять отъ лица двѣнадцати, какъ ихъ старшина или представитель, хотя на это исповѣданіе обычно обращается меньше вниманія, потому что за нимъ не послѣдовало ублаженія Петра. «Тогда Іисусъ сказалъ двѣнадцати: не хотите ли и вы отойти? Симонъ Петръ отвѣчалъ Ему: Господи! къ кому намъ итти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога Живаго. Іисусъ отвѣтилъ имъ: не двѣнадцать ли васъ избралъ Я? но одинъ изъ васъ діаволь». (Іо. 6, 67-70) Вѣру во Христа, какъ Сына Божія, на прямой вопросъ Его, исповѣдовалъ исцѣленный слѣпороденный (Іо. 9, 35-8). Эту же вѣру исповѣдовала Марѳа, сестра Маріи и Лазаря, въ бесѣдѣ съ Господомъ предъ воскрешеніемъ Лазаря (Іо. 11, 27): «такъ, Господи! я вѣрую, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ». Нельзя забывать, что божественность Іисуса неоднократно, во ушію апостоловъ, исповѣдовали «вѣрующіе, но трепещущіе» (Іаковъ 2, 19) бѣсы. Такъ въ странѣ Гергесинской «они закричали: что Тебѣ до насъ, Іисусъ, Сынъ Божій?» (Мѳ. 8, 29). «Іисусъ, Сынъ Бога Всевышняго» (Мр. 5, 7., Лк. 8, 28, ср. Мр. 1, 24). «Господь, изгоняя бѣсовъ, не позволялъ бѣсамъ говорить, что они знаютъ, что Онъ — Христосъ» (Мр. 1, 34). «И духи нечистые, когда увидѣли Его, падали предъ Нимъ и кричали: Ты — Сынъ Божій. Но Онъ строго запрещалъ

имъ, чтобы не дѣлали Его извѣстнымъ» (Мр.3, 11-12). «Выходили также бѣсы изъ многихъ съ крикомъ и говорили: Ты Христосъ, Сынъ Божій. А Онъ запрещалъ имъ сказывать, что они знаютъ, что Онъ — Христосъ (Лк. 4, 41). Діаволь, искушавшій въ пустынѣ, еще сомнѣвался и спрашивалъ: «Если Ты Сынъ Божій» (Мѡ. 3, 3,6., Лк. 4, 3, 9), но теперь эти сомнѣнія уступили, очевидно, вѣдѣнію и вынужденному, противъ воли изступленному исповѣданію, которое и сдѣлалось обычнымъ, постоянно повторяющимся явленіемъ.

Слѣпцы, настойчиво домогавшіеся изцѣленія и получившіе его за свою вѣру, вопіяли: «помилуй насъ, Иисусе, Сыне Давидовъ» (Мѡ. 9, 27, 20, 31, Мр. 10, 47-8). Конечно, это не есть полное исповѣданіе Петра, но, во всякомъ случаѣ, первый шагъ къ нему, ибо «Сынъ Давидовъ» и есть обѣщанный Мессія.

Не слѣдуетъ, наконецъ, забывать, что еще ранѣе Кесарійскаго исповѣданія Петра оно было произнесено именно всѣми другими апостолами, помимо егс, послѣ его неудачнаго хожденія по водѣ: «и когда вошли они (Иисусъ и Петръ) въ лодку, вѣтеръ утихъ. Бывшіе же въ лодкѣ подошли, поклонившись Ему, и сказали: истинно Ты Сынъ Божій» (Мѡ. 14, 38).

Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что исповѣданіе Христа Сыномъ Божиимъ, какъ молнія, многократно прорѣзало атмосферу, Его окружавшую. Поэтому не столько содержаніе торжественнаго исповѣданія само по себѣ своей новизной придаетъ такое значеніе словамъ Петра, сколько самая значительность этого момента усвояетъ имъ такой исключительный

вѣсь. Въ духовномъ развитіи учениковъ, въ ихъ приуготовленіи къ страшному Геѳсиманскому и Голгоѳскому испытанію вѣры, этотъ моментъ имѣетъ значеніе перелома, послѣ котораго Господь прямо и опредѣленно начинаетъ готовить ихъ къ предстоящему. «Съ того времени Іисусъ началъ открывать ученикамъ Своимъ, что Ему должно итти въ Іерусалимъ и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ и книжниковъ и быть убиту и въ третій день воскреснуть». (Мѳ. 16, 21, Мр. 8, 31-2, Лк. 9, 22). Господь хотѣлъ утвердить въ ученикахъ сѣмя вѣры предъ лицомъ страшнаго испытанія. И однако, насколько даже въ Петрѣ было смутно сознаніе происходящаго и слаба готовность къ будущему, явствуется изъ того, какъ онъ началъ тутъ же прекословить Учителю, и съ какой поспѣшностью на горѣ Преображенія онъ хочетъ построить три кущи, явно забывая или проходя вниманіемъ мимо грозныхъ предвареній о предстоящихъ страданіяхъ. О другихъ же апостолахъ можно судить по лаконичному и выразительному замѣчанію у Марка 10, 32: «когда были они на пути, восходя въ Іерусалимъ, Іисусъ шель впереди ихъ, и они ужасались и, слѣдуя за Нимъ, были въ страхъ». Непосредственно за бесѣдой на пути въ Кесарію Филиппову, согласно всѣмъ тремъ синоптикамъ, слѣдуетъ Преображеніе, которое есть уже приготовленіе къ Голгоѳѣ, въ нѣкоторомъ родѣ предварительный внутренній итогъ земнаго пути Спасителя: въ отвѣтъ на исповѣданіе вѣры, произнесенное Петромъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, (т. е. тремъ, дается «не вкусить смерти, какъ уже увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго въ царствіи

Своемъ» (Мѡ. 16, 28 — Мр. 9, 1 — Лк. 9, 27). Съ горы Преображенія, чрезъ славный входъ въ Іерусалимъ, путь лежитъ на Голгоѡу. Преображеніе, вмѣстѣ съ торжественнымъ входомъ въ Іерусалимъ, было отвѣтомъ Господа на исповѣданіе вѣры всѣхъ учениковъ, произнесенное устами Петра, оно явилось предвареніемъ грядущей славы Его и, стало быть, предварительнымъ оправданіемъ вѣры. Но и въ своемъ непосредственномъ отвѣтѣ Господь хочетъ запечатлѣть въ умѣ учениковъ, въ этотъ критическій и поворотный для ихъ развитія моментъ, ихъ конечное высокое призваніе, еще смутно рисовавшееся имъ въ туманѣ іудейскихъ національных мечтаній и человѣческихъ слабостей. Это призваніе — быть служителями и основаніемъ Церкви Христовой. Определенію этого призванія и служатъ слова Господа, непосредственно обращенныя къ Петру, но относящіяся ко всѣмъ двѣнадцати. Въ этихъ торжественныхъ словахъ и видятъ обычно установленіе «примата» Петрова. Попробуемъ, въ связи съ предыдущимъ, понять ихъ значеніе.

IV

«И я говорю тебѣ: ты — Петръ (*Πέτρος*) и на семь камнѣ — петрѣ (*πέτρα*) Я создамъ Церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ». (Мѡ. 16, 18-19). Интересно, что въ Евангеліи Марка, имѣющемъ наибольшую связь

съ Петромъ, эти слова отсутствуютъ, также какъ и въ Евангеліи Луки. Этотъ текстъ въ римскомъ богословіи считается устанавливающимъ *приматъ юрисдикціи*, т. е. прямую и непосредственную власть Петра (и его преемниковъ на римской кафедрѣ) надъ всѣми апостолами (и ихъ преемниками) (Vat. IV, 1).

По мнѣнію d'Herbigny (общему и всему католическому богословію) *exegesis textus demonstrat promissum fuisse Petro primatum iurisdictionis* (l. c. I, 247, 250). Такимъ образомъ, въ его истолкованіе вводится основное понятіе латинскаго богословія, имѣющее рѣшающее значеніе для пониманія примата Петрова въ западномъ смыслѣ, какъ полноты церковной власти, *plena potestas*, «монархическаго» устройства церкви подъ водительствомъ «князя апостоловъ» въ его преемникахъ.

Чтобы не утратить правильной перспективы въ пониманіи текста Мѡ. 16, 17-19, мы должны все время имѣть въ виду твердо-установленный фактъ, что Петръ *одинъ* отвѣчаетъ за *всѣхъ* и отъ лица *всѣхъ* на вопросъ, предъявленный *всѣмъ*. Дѣло, вѣдь, происходитъ не такъ, какъ въ классѣ на урокъ, гдѣ учитель предлагаетъ вопросъ *всѣмъ*: кто знаетъ? и отвѣчаетъ только знающій (или выскочка), а остальные не знаютъ, и узнаютъ только изъ отвѣта бойкаго ученика. То, что отвѣчаетъ Петръ, знаютъ, *со-знаютъ* и апостолы, это и *ихъ* отвѣтъ. Выражаясь въ терминахъ Ватиканскаго собора, Петръ говоритъ здѣсь не *ex sese, sine consensu ecclesiae*, но именно *sancto approbante consilio*. Происходитъ апостольскій вселенскій соборъ для установленія *камня вѣры* при *явномъ* присутствіи Главы Церкви и при *явномъ*

же первостоятельствъ Петра апостола. Этого факта, что здѣсь имѣетъ мѣсто соборъ апостоловъ, и Господь хочетъ отвѣтнаго опредѣленія всего лика апостольскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ что главой этого лика является Петръ, нельзя умалить въ его значеніи. Неправильно отрывать Петра отъ прочихъ, чтобы противопоставить его собору, возвеличивая его за счетъ собора приматомъ власти и юрисдикціи, поставляя *надъ* соборомъ, тогда какъ онъ имѣетъ силу и авторитетъ, или есть *Петръ*, лишь въ связи съ соборомъ, силою собора и отъ лица собора. Только въ свѣтѣ этого основного факта и воспринимаемъ мы слова Христовы: на твое исповѣданіе, въ которомъ ты возвѣстилъ не человѣческое («не плоть и кровь») измышленіе, но божественное откровеніе, и «Азь глаголю тебѣ: ты еси Петръ и на семь камнѣ созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ея». Между богословами востока и запада ведется давній споръ о томъ, что означаетъ камень — *πέτρα*, Петра или его вѣру и исповѣданіе, причемъ обѣими сторонами привлекаются различныя экзегетическія и филологическія соображенія. Несомнѣнно, что фраза эта построена на игрѣ словъ, на двойномъ значеніи имени *Κηφάς, Πέτρος* — *πέτρα*, которое означаетъ и имя Петръ и камень. При этой игрѣ словъ, рассуждая формально, одинаково возможны обѣ перестановки подлежащаго и сказуемаго: Петръ есть камень, на которомъ утверждается церковь и, наоборотъ, камень, т. е. вѣра Петра, его исповѣданіе, и есть Петръ, т. е. оно именно дѣлаетъ Петра Петромъ. Оба члена этой амфиболіи имѣютъ непререкаемое основаніе въ Евангеліи. Что свой-

ство быть камнемъ, кифой, петрой въ какомъ то смыслѣ относится къ Петру, это явствуетъ изъ того, что это ему именно сказано, къ нему обращено Господомъ, Который не только сказалъ, но и заранѣе преуказалъ это свойство въ Петрѣ, нарекиши его при первой встрѣчѣ этимъ именемъ. Всю силу и смыслъ этого священнаго пророческаго переименованія, въ которомъ проявилось сердцевѣдѣніе божественное (ихже преустави, тѣхъ и призва. Рим. 8, 30), можно понять лишь при свѣтѣ разсматриваемаго событія: нареченіе имени Петра есть пророчество о событіи на пути въ Кесарію Филиппову, когда это именованіе снова повторяется: «ты еси Петръ» и какъ бы осуществляется чрезъ его вѣру. И однако свойство Симона быть Петромъ связано только съ опредѣленномъ его состояніемъ, съ пребываніемъ его въ истинной вѣрѣ, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣра Церкви, т. е. всего апостольскаго лика. Какъ только Петръ перестаетъ быть носителемъ и выразителемъ этой вѣры и становится жертвой своихъ личныхъ свойствъ или слабостей, отдѣляясь въ личное обособленіе отъ вселенскаго и цѣлокупнаго, онъ перестаетъ быть Петромъ, т. е. камнемъ вѣры. Это съ ослѣпительной яркостью показано въ дальнѣйшей бесѣдѣ Господа съ учениками по пути въ Кесарію Филиппову въ словахъ Его, которыя составляютъ необходимѣйшій и существеннѣйшій комментарий къ ублаженію Петра, прямое его продолженіе и истолкованіе. Именно, когда Господь, продолжая рѣчь, сталъ говорить о Своихъ страданіяхъ, «отозвававъ Его, Петръ началъ Ему прекословить: будь милостивъ къ Себѣ, Господи, да не

будеть этого съ Тобою. Онъ же обратившись, сказалъ Петру: отойди отъ меня сатана! ты мнѣ соблазнъ, по-
му что ты думаешь не о томъ, что божеское, но что че-
ловѣческое» (Мѡ. 16, 22-3). Уже человѣческое, т. е.
то, что говорятъ «плоть и кровь», выражаетъ Петръ
немедленно же, какъ только онъ говоритъ «отозвавъ
его», слѣдовательно отъ себя, своею человѣческою огра-
ниченностью. *Infallibilitas*, непогрѣшительность, спо-
собность возвѣщать не человѣческое, не голосъ плоти
и крови, но божественное откровеніе, оказалось при-
суще ему только дѣйствительно «*ex cathedra*», т. е. когда
онъ говорилъ именемъ, въ согласіи, силою всего еди-
номысленнаго апостольскаго собора, какъ уста его
первостоятеля; но какъ только онъ дѣйствуетъ просто
ex sese, одинъ, его постигаетъ печальное искушеніе, и
онъ уже не петра, а «сатана»*).

*) У d'Herbigny (L. c. I, 257) по этому поводу встрѣ-
чаемъ такое разъясненіе: *At praecipue Petrus dicitur a*
Christo scandalum et Satanas in ipso, Mt. 16, 23.
Resp.: A) Inde patet promissionem evanescere, neg.; factam
esse, non propter maiorem Simonis sancti-
tatem aut perspicacius iudicium, sed
e libera Dei electione, conc. — In munere Petrus
Ecclesiam sustinet; privatim Simon potest fieri scandalo
et quasi Satanas videri(здѣсь сдѣлана ссылка на соотвѣт-
ствующаго содержанія сужденіе Вл. Соловьева въ *La Russie*
et l'Eglise Universelle, р. III). Въ этомъ сужденіи въ *libera*
Dei electio незамѣтно вводится кальвинистическій принципъ
предопредѣленія божественнымъ произволомъ, независимо
отъ личнаго самоопредѣленія для того, чтобы исповѣданіе
Петра изъ подвига и вдохновенія вѣры превратить въ от-
правленіе *munus ex opere operato*. Если и можно видѣть
здѣсь *munus* Петра, то только въ томъ, что онъ говоритъ
отъ лица апостоловъ, въ единогласіи съ ними, словомъ,
какъ первоапостоль, а не сверхъ-апостоль. И на какомъ же

Такимъ образомъ, при пониманіи словъ Христа о Петрѣ, какъ о камени Церкви, дѣйствительно нельзя исключить момента правой вѣры, явленной въ исповѣданіи Петровомъ, какъ нельзя исключить и личности Петра, удостоенной такого исповѣданія по божественному промыслу. Исповѣданіе Петрово принадлежитъ не ему, но всему апостольскому лику, къ которому и говоритъ Господь, продолжая свою бесѣду со всѣми и *отнюдь не прерывая ее* (какъ это явствуетъ особенно изъ паралл. у другихъ синоптиковъ), однако, въ лицѣ Петра. Стало быть, нельзя отрицать и того, что Петръ здѣсь является средоточіемъ, представителемъ, первостоятелемъ апостольства, живымъ его центромъ, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что здѣсь — не устанавливается, но выявляется особая роль Петра среди апостоловъ, напередъ предуказанная при его переименованіи, а затѣмъ и непрерывно проявлявшаяся

основаніи (въ данномъ случаѣ вслѣдъ за Соловьевымъ) полагаетъ d'Herbigny, что обращеніе Петра «да не будетъ этого съ Тобою» (Мѡ. 16, 22), въ скрытой формѣ содержащее въ себѣ несомнѣнную іудаистическую ересь о земномъ царствѣ Мессіи (какъ это явствуетъ и изъ всего отвѣта Господа: Мѡ. 16, 23-28) онъ сдѣлалъ *privatim*, какъ *частное лицо*? Вѣдь это было непосредственное продолженіе той самой бесѣды, въ которой тотъ же Петръ только что произнесъ свое исповѣданіе. Не правильнѣе ли предположить, что Петръ, дѣйствительно, подумавъ, что ему, какъ таковому, даны особыя полномочія, немедленно попробовалъ примѣнить свой *munus* уже не въ связи и согласіи съ апостолами, но и отдѣльно отъ нихъ, единолично: «отсзвавъ Его, сталъ прекословить Ему». И въ такомъ случаѣ, здѣсь надо видѣть прямое, хотя и молчаливое предостереженіе отъ ложнаго пути, указаніе, какъ *не нужно* понимать *munus*, полномочіе Петрово.

и осуществлявшаяся въ рядѣ мелкихъ и повседневныхъ событій, согласно евангельскому разсказу (см. выше). Такой примать принадлежитъ Петру съ перваго дня его апостольства, и нельзя сказать, чтобы онъ былъ установленъ, какъ нѣчто новое, въ данный моментъ. Если же придавать такое опредѣляющее значеніе именно этому моменту, тогда пришлось бы прійти къ абсурдному утвержденію, что данный Петру примать былъ здѣсь же отъ него и отнять, потому что непосредственно послѣ словъ: ты еси Петръ, ему было сказано: сатана! Въ положеніи Петра въ отношеніи къ другимъ апостоламъ *послѣ* этого событія ничто замѣтно не измѣнилось, какъ не можетъ быть проведено рѣшительнаго различія и между ролью Петра до вознесенія, когда личное присутствіе Господа, конечно, заставляло меркнуть значеніе Петра, и послѣ Вознесенія. Петру неизмѣнно оставалось присуще положеніе и авторитетъ первенства, старшины апостоловъ. Это не есть, конечно, *plena potestas* или *primatus iurisdictionis* или власть *episcopus universalis*, но это есть, несомнѣнно, *примать* представительства, авторитета, первенства, который при соотвѣтствующихъ благопріятныхъ условіяхъ можетъ расширяться неограниченно, но не можетъ быть выраженъ въ терминахъ власти. Авторитетъ есть и власть, заключаетъ ее въ себѣ какъ нѣкоторое послѣдствіе, но власть не есть авторитетъ. *Primatus iurisdictionis* въ этомъ смыслѣ содержитъ въ себѣ такое же внутреннее противорѣчіе, какъ и обратная формула: *primus inter pares*, ибо *primus* уже отличается отъ *pares* также какъ носитель власти не есть уже *pri-*

mus, но единственный въ своемъ родѣ, который существуетъ не со всѣми и среди всѣхъ, какъ первый, но въ противопоставленіи къ нимъ. Поэтому если на одной сторонѣ стремленіе къ паритету приводитъ къ фактическому уничтоженію примата, какъ авторитета, во всей многозначительности и многозначности (исторической) этого понятія, то на другой сторонѣ примать, несмотря на всѣ завѣренія и оговорки, поглощаетъ въ себѣ апостольство и производное отъ него епископство и поэтому не есть уже примать, предполагающій вслѣдъ за *первымъ*, рядомъ съ нимъ, *вторыхъ* того же чина, но есть, дѣйствительно, монархія, и притомъ самого абсолютнаго типа. Монархъ не есть, конечно, primus, но princeps, единственный и несравнимый. Иначе говоря, въ этомъ смыслѣ примать есть уже особый санъ, качественно отличающійся отъ апостольства подобно тому, какъ качественно отъ апостоловъ отличается Пастыреначальникъ Христосъ. Стало быть, апостоль Петръ, по этой логикѣ, есть сверхъ-апостоль, т. е. уже не апостоль. Однако, оставимъ богословствованіе о приматѣ и обратимся къ анализу евангельскаго текста.

Итакъ, если раньше бесѣда была со всѣми апостолами, вопросъ былъ поставленъ имъ всѣмъ въ совокупности и отвѣчалъ за всѣхъ и несомнѣнно въ согласіи со всѣми ап. Петръ, то и отвѣтъ Спасителя въ лицѣ его былъ обращенъ и ко всѣмъ и на всемъ своемъ протяженіи сохраняетъ двойственный характеръ, этой двойной обращенности — къ Петру и сонму. И такой же характеръ имѣетъ и наиболее личная часть отвѣта, именно пря-

мое обращеніе Господа къ Петру, гдѣ онъ называетъ его по имени, но для того, чтобы тотчасъ же указуя на символическое значеніе этого имени, перейти къ тому, что должно составлять не только личное имя и личное свойство, но и общую вѣру и единое основаніе для всѣхъ апостоловъ, отъ Петра — Камня къ петръ — камню*), причемъ въ личной вѣрѣ Петровой указывается примѣръ и утвержденіе въ вѣрѣ для апостоловъ. Потому отвѣтную мысль Господа можно выразить въ такой распространенной перифразѣ: «насколько ты утверждаешься въ семь исповѣданіи вѣры, которое является и общеапостольскимъ, ты достоинъ даннаго тебѣ имени, являешься самимъ собою, какимъ восхотѣлъ тебя Богъ въ твоёмъ именованіи: *Ты еси Петръ* (но насколько ты не удерживаешься на семь общеапостольскомъ

*) Сравнительно второстепеннымъ представляется намъ тотъ отгѣнокъ, который вносится первоначальнымъ арамейскимъ текстомъ. Въ немъ могло быть сказано: к и ф а въ о ѳ о и х ъ случаяхъ, гдѣ говорится: *Πέτρος καὶ ἐν ταύτῃ τῇ πέτρα* — Петръ и на семь камени, не говоря о томъ, что точный арамейскій текстъ не можетъ быть возстановленъ и, наоборотъ, греческій есть для насъ аутентическій. Даже если бы и было полное тождество словъ: *Петръ и на семь Петръ*, то и это нисколько не устраняло бы преднамѣренной двойственности смысла и основанной на ней игрѣ словъ. Поэтому для экзегезы это значенія не имѣетъ.

«*Petrus kommt immer in der doppelten Eigenschaft: als Apostel und als Furst der Apostel in Betracht; den Aposteln ist kein Recht ohne Petrus, Petrus aber der Vorzug des Primates ohne die Apostel ertheilt worden*». (Phillips. Kirchenrecht, I. 121). Если примать не зависитъ отъ апостольства, то почему же можно утверждать апостольство Петра? Развѣ высшимъ саномъ не поглощается низшій, какъ, напр., священствомъ діаконство, и развѣ священникъ остается одновременно и въ чинѣ діакона?

исповѣданіи и отпадаешь отъ него, ты не достоинъ имени Петра*) и можешь даже заслужить иное именованіе: сатана!) Итакъ, по общему смыслу текста, «Петръ — петра, камень», прежде всего и непосредственнѣе всего относится къ Петру, какъ личному носителю и средоточію стихіи петровства, но и столь же необходимо и ко всѣмъ апостоламъ (а въ лицѣ ихъ всей церкви) на-

*) Заслуживаетъ вниманія, что послѣ отреченія Петра, въ троекратномъ вопрошаніи его Господомъ, онъ зовется уже не Петръ, но *Симонъ* варъ-Іонинъ (Іо. 21, 15-17) — его прежнее, личное имя до переименованія. Параллель можно провести и дальше: какъ въ Мѡ. 16, 17-18 Господь обращается къ Петру: «блаженъ ты, Симоне, варъ-Іона», и лишь далѣе торжественно подтверждаетъ данное ему при призваніи именованіе: ты еси Петръ, — такъ здѣсь, послѣ отреченія, Господь дѣлаетъ какъ бы не существующимъ это переименованіе, снимаетъ его, возвращая Петра къ положенію до этого именованія. Этотъ молчаливый словесный жестъ можно изъяснить такъ: послѣ того, какъ ты не устоялъ на камнѣ, не явилъ себя петромъ, и Я не называю тебя Петромъ, но только по прежнему: Симоне варъ-Іона. Другими словами, это именно то и означаетъ, что быть Петромъ не *т и п и с*, который не можетъ прерываться и, до извѣстной степени, не зависитъ отъ личныхъ свойствъ его носителя, но *с о с т о я н і е*, которое, напротивъ, можетъ прерываться и прерывалось въ жизни Петра, по прямому свидѣтельству самого Господа. Но подобный же, хотя, конечно, уже не столь выразительный примѣръ ослабленія въ Петрѣ его петровства имѣемъ въ извѣстномъ случаѣ столкновенія съ ап. Павломъ по поводу іудействованія, когда онъ, вмѣстѣ съ другими, повинень былъ въ «лицемѣрїи» и «не прямо поступалъ по истинѣ евангельской» (Гал. 2, 11-15). При этомъ опять образъ дѣйствія Петра обособляетъ его отъ прочаго апостольства, связаннаго постановленіемъ іерусалимскаго собора, каковое имѣло обязательную силу и для Петра: говоря современнымъ языкомъ, Петръ принялъ, такъ сказать, личную, не обще-апостольскую тактику въ обращеніи съ язычниками, за что и былъ обличень апостоломъ Павломъ.

сколько и они утверждаются въ той же стихіи петровства, и въ этомъ смыслѣ камень есть вѣра и исповѣданіе всей апостольской Церкви, «яко ты еси Христосъ, Сынъ Бога Живаго». И этотъ двоякій — и общій и личный смыслъ — подтверждается дальнѣйшимъ текстомъ, обѣтованіями Спасителя, данными Петру. И эти обѣтованія, которыя непосредственно и лично относятся именно къ Петру, вмѣстѣ съ нимъ и въ лицѣ его даны всему апостольству, вмѣстѣ съ его іерархическими преемниками. Это обѣтованіе касается *власти* вязать и рѣшить. Въ *общей* формѣ оно выражено образно въ обѣтованіи Петру *ключей Царства*, причемъ эта власть ключей сопровождается властью рѣшить и вязать, вѣрнѣе въ ней она именно и состоитъ. Прежде всего надо установить, что власть вязать и рѣшить, непосредственно обѣщанная одному Петру, въ дѣйствительности въ лицѣ его относится ко всѣмъ апостоламъ, какъ это совершенно ясно въ дальнѣйшемъ повѣствованіи... Именно, обѣтованіе вязать и рѣшить *дословно* повторено всѣмъ апостоламъ на этотъ разъ безъ всякаго выдѣленія Петра, въ скоромъ времени послѣ настоящей бесѣды, во время пребыванія въ Галилеѣ послѣ Преображенія. Ученики обратились къ Іисусу съ вопросомъ о томъ, кто больше въ царствѣ небесномъ? Мысль о «приматѣ», очевидно, соблазняла и тревожила ихъ, можетъ быть какъ преломившееся впечатлѣніе отъ бесѣды на пути въ Кесарію. Вѣдѣніе тайнъ Царствія Божья туго и не безъ препятствій входило въ умы учениковъ, чѣмъ и объясняются ихъ неоднократныя смущенія по поводу

первенства (ср. Мѡ. 20, 20-21, 24-27; Мр. 10, 35-44. 22. 24-26*).

Въ своемъ отвѣтѣ Господь отвергаетъ самую постановку вопроса о старшинствѣ и земной власти («кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ царствѣ небесномъ», Мѡ. 18, 4), такимъ образомъ устанавливалъ лишь одну власть и старшинство — смиреніе, при ко-

*) Въ католической апологетикѣ даже и въ этомъ усматривается косвенное подтвержденіе примата: *De a l i - q u o p r i m o A p o s t o l i d e b e b a n t s p o n t e c o g i t a r e . N a m u b i q u e t u n c f o r m a g u b e r n i i f u i t m o n a r c h i a ; i n i p s a s y n a g o g a , p r a e S y n e d r i i c o l l e g i o , P o n t i f e x e m i n e b a t r e l i g i o s e e t e t i a m c i v i l i t e r . C h r i s t u s e r g o d e b u i s s e t c l a r i s s i m e p r o p o n e r e a e q u i l i t a r i s m u m , s i i l l u m i n t e n d i s s e t (! ! !) . A t q u i c o m m e n d a t s a n e h u m i l i t a t e m n e s u p r a c e t e r o s e x t o l l i v e l i n t (M t . 1 8 , 1 - 4 , — M c . 9 , 3 3 , L c . 9 , 4 6 - 4 8) , a t n o n p a r i t a t e m . I m m o , r e v e r a d i s p u t a n t i b u s d e p r i m o . C h r i s t u s — a) n o n n e g a t a l i q u e m f o r e p r i m u m . S i t a m e n n o n i n t e n d e r e t a l i q u e m p r i m u m h i e r a r c h a m i n s t i t u e r e , m u l t o s i m p l i c i u s d i c e r e t : V o s o m n e s p a r e s e r i t i s . N e o c c a s i o q u i d e m o r t a e s s e t d i s p u t a n d i , s i C h r i s t u s p a r i t a t e m i n n o v i s s e t . . . S i c i p s e P e t r u m e x t o l l i t , u t i n d e c e t e r i f i a n t i n v i d i (! ! !) (d ' H e r b i g n y , I , 2 1 3) .*

Не проще ли обратиться къ цитируемымъ евангельскимъ текстамъ, чтобы убѣдиться, что Господь со скорбью и осужденіемъ (а вовсе не съ молчаливымъ, или хотя бы косвеннымъ признаніемъ) относился къ вопросу о первенствѣ, а также иногда и сами ученики, какъ это было въ случаѣ съ Іаковомъ и Іоанномъ и матерью ихъ, просившими о первенствѣ (Мѡ. 20, 24. Мр. 10, 41). Странная мысль о томъ, что Господь возбуждалъ зависть въ ученикахъ выдѣленіемъ Петра, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Правда, ученики еще объятые іудаистическими представленіями о мессіи, с о б л а з н я л и с ь мыслями о первенствѣ, хотя нигдѣ нѣтъ указаній, чтобы эти чувства вызывались именно соревнованіемъ къ Петру, да для него и не было ровно никакого основанія, ибо все, что было обѣщано Петру, было обѣщано и имъ. Дѣйствительно могло бы возбуждать ревность положеніе другого ученика, «его же любляше Іисусъ» — Іоанна, но и этого не было.

торомъ умолкають самыя мысли о власти и правѣ. Развивая далѣе ту же мысль, но въ отрицательной формѣ, именно остерегая отъ всяческаго презрѣнія къ «малымъ симъ» (а вмѣстѣ и самопревозношенія), Господь — внѣшне неожиданно, но внутренне вполне мотивированно, переходитъ къ ученію о Церкви, которой одной лишь принадлежитъ сила и власть требовать послушанія подѣ угрозой духовнаго отсѣченія. И власть этого отсѣченія дѣйствительно, какъ *munus* или *ordo*, какъ санъ, Господь торжественно («аминь глаголю вамъ») вручаетъ апостоламъ, безъ всякаго выдѣленія изъ нихъ кого бы то ни было, причемъ *дословно* воспроизводится обѣтованіе, данное Петру: «что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ.» (Мѣ. 18, 18). Въ этомъ мы видимъ прямое и автентичное подтвержденіе того, что сказанное Петру относилось въ его лицѣ и ко всѣмъ апостоламъ, и рѣчь идетъ не о власти примата, но о власти апостолата, въ его «соборности». И именно этотъ моментъ, сила и основа Церкви въ соборности, въ многоединствѣ, а не во власти, опредѣленно указывается въ продолженіи словъ Христа о Церкви: «паки аминь глаголю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Небеснаго. Ибо гдѣ двое или трое собраны во Имя Мое, тамъ и Я посредѣ ихъ» (Мѣ. 18, 9-20). Собранность во Имени Его, соборность, многоединство по образу Св. Троицы (яко же Ты во Мнѣ и Азь въ Тебѣ) — вотъ сила Церкви, Ея природа или естество. На основаніи сказаннаго повѣствованіе въ

18 гл. Матеея мы считаемъ прямымъ внутреннимъ развитіемъ и продолженіемъ рассказаннаго въ 16 главѣ. Но особенно замѣчательно, что въ наиболѣе позднемъ Евангеліи Іоанна, столь отличающемся по плану, повторено, если не дословно, то по смыслу, это же самое обѣтованіе, но какъ уже исполняющееся: «какъ послалъ Меня Отець, такъ и Я посылаю васъ. Сказавъ это, дунуль и говоритъ имъ: примите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся» (Іо. 20, 21-23). Здѣсь нѣтъ никакого выдѣленія Петра, а между тѣмъ исполняется обѣтованіе, данное, казалось бы, непосредственно ему*). И нѣтъ этого выдѣленія, самого даже упоминанія о немъ при торжественномъ посланіи учениковъ на проповѣданіе всей твари по воскресеніи и передъ вознесеніемъ: Мѡ. 28, 18-20, Мр. 16, 15-19, Лк. 24, 48-50, Д. Ап. 18. 2, 1-4. Нѣтъ и никакихъ указаній, чтобы Петръ получилъ какую нибудь единственную власть примата, въ отличіе отъ другихъ апостоловъ: обѣтованіе, данное ему, было исполнено съ точностью, но для всѣхъ. Однако, остается еще обѣтованіе, данное лично Петру и не повторенное другимъ апостоломъ: «и дамъ тебѣ ключи Царства». По поводу этой метафоры производится внимательная экзегеза, устанавливающая значеніе врученія ключей

*) См. напр., у d'Herbigny, I, 252-3: *Petrus eas tenebit pro Regno in utraque eius conditione, sive initiali (i. et Ecclesia militante), sive perfecta*». Последнее есть преувеличеніе, ведущее къ явнымъ несообразностямъ (въ частности ставящее Петра выше Богоматери и ангеловъ въ роли «викарія Христа».)

«ключарю», какъ знакъ высшаго авторитета*). Естественно, возбуждается вопросъ: содержитъ ли въ себѣ этотъ образъ какое либо нарочитое, къ одному Петру относящееся, обѣтованіе, или же онъ выражаетъ лишь общую мысль о власти іерархіи, не ограниченной областью земного бытія, но простирающейся въ міръ иной, въ «небеса», въ вѣчную жизнь? Для отдѣленія этой части обѣтованія Спасителя отъ другой его части, исполненной въ отношеніи ко всѣмъ апостоламъ, нѣтъ иныхъ основаній, кромѣ того, что остается неповтореннымъ въ отношеніи къ прочимъ апостоламъ, но оно остается и неисполненнымъ въ отношеніи къ Петру, по крайней мѣрѣ, нѣтъ на это никакихъ указаній. А это заставляетъ думать, что оно и не является отдѣльнымъ обѣтованіемъ, содержащимъ въ себѣ специально права примата, а, слѣдовательно, въ той же мѣрѣ, относится ко всѣмъ апостоламъ. *Potestas clavium* принадлежитъ всему апостольскому лику, но непосредственно ключи вручаются ключарю, какъ первоапостолу**).

*) Неудачнымъ намъ представляется поэтому и соображеніе Вл. Соловьева (I. с. 121), которое воспроизводитъ и d'Herbigny, (I. с. 252): *quand on parle des clefs, il faudrait dire fermer et ouvrir et non lier et delier...* Имѣетъ значеніе, особенно при нагроможденіи образовъ, которое мы въ данномъ случаѣ имѣемъ, ихъ общій смыслъ, а не точность соблюденія метафоры въ подробностяхъ. Во всякомъ случаѣ, само по себѣ, не подкрѣпленное другими, это соображеніе рѣщающаго значенія не имѣетъ.

***) Поэтому неправъ d'Herbigny (I, 253), говоря, что *hic (Mt. 16, 19) datur soli Petro id, quod dein toti collegio, includendo Petrum. Minime vero extensio 18, 18 derogabit privilegio alterius concessus*». Петру не дается, но лишь обѣ-

V.

Итакъ, въ Мѣ. 16, 17-19 мы не находимъ установленія особой *власти* Петра, отличающей Петра отъ другихъ апостоловъ и ставящаго его *выше* ихъ, *надъ* ними, вносящей іерархическое различіе въ среду двѣнадцати. Этого нѣтъ: вся власть обѣщается и затѣмъ дается всѣмъ двѣнадцати на равныхъ основаніяхъ, при неоспоримомъ первенствѣ Петра, какъ предстоятеля или духовнаго ихъ центра. Двѣнадцать имѣютъ свой чинъ и строй и потому имѣютъ своего представителя, «ключаря», но не имѣютъ внутри себя іерархіи, и при отсутствіи различія въ *ordo*, нѣтъ почвы для различія и въ *iuris-*

щается то же, что обѣщается 18, 18 и всѣмъ апостоламъ (которымъ раньше это было обѣщано въ лицѣ Петра, а не *Petro soli*, какъ это явствуетъ изъ всего контекста). На этомъ основаніи нельзя согласиться и съ дальнѣйшимъ: а) *Ipsa in Evangelio repetitio textus, qui sub utraque forma alibi deficit, magis significat distinctionem historicam utriusque collectionis: eadem potestas datur, sed hinc uni, illinc collegio (n e d a t u r, но promittitur!).* b) *Magis ex utroque textis patet Petrum singulariter pro se etiam solum, ea quae ceteris c o l l e c t i v e* (совершенно произвольное утверждение); *ceteros vero non recipere nisi in quantum et Petrus includatur in eorum collective* (выводъ изъ предыдущаго). c) *Immo, qui per se solum eam habeant, Petrus exercere eam possit supra cunctos a se distinctos, etiam ergo supra ceteros Apostolos.* (Это произвольное утверждение, несогласимое съ контекстомъ Евангельскаго разсказа, опирается на допущенное уравненіе настоящаго и будущаго времени: *dabitur* и *datur*). А отсюда уже неизбежно дѣлается и послѣдній выводъ: «*At ut patet (!), non collegium supra Petrum hoc etiam collegium supra aliud membrum nisi ex auctoritate et delegatione Petri, ae reservata semper etiam tunc ultima appellatione et sententia ad Petrum solum*».

dictio*). Петръ имѣетъ не право, но лишь авторитетъ. Въ свѣтѣ этого пониманія основного текста, имѣющаго значеніе ключевой позиціи, получаютъ истолкованіе и два остальныхъ «установительныхъ» текста, имѣющихъ уже преимущественно личное и біографическое отношеніе къ Петру: Лк. 22, 31 и Іо. 21, 15-17.

*) Въ этомъ свѣтѣ понимаемъ мы и сюда относящіеся тексты объ общемъ и равномъ значеніи апостоловъ, какъ-то: отвѣчая на споръ о первенствѣ, Господь продолжаетъ: «но вы пребыли со Мною въ напастяхъ Моихъ, и Я завѣщаю вамъ, какъ Отецъ Мой царство, да ядите и пиете за трапезою Моею въ царствѣ Моемъ, и сядете на престолѣ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ» (Лк. 22, 28-30). Уже если искать основанія объ обоснованіи власти «*in utraque ecclesiae conditione, sive initiali, sive perfecta*» (см. выше примѣчан.), то его можно находить при желаніи именно здѣсь, но въ примѣненіи къ двѣнадцати. Еще выразительнѣе Мѡ. 18, 27-28. Спрашиваетъ отъ лица всѣхъ «старшина» Петръ: «вотъ мы, оставили все и послѣдовали за Тобою; что же будетъ намъ? Иисусъ же сказалъ имъ: истинно говорю вамъ, что вы, послѣдовавшіе за Мною, — въ паки-бытіи, когда сядетъ Сынъ Человѣческой на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ». — Въ грядущемъ величіи и славѣ апостоловъ, на грани эоновъ, не дѣлается никакого различія между апостолами (хотя вопрошеніе именно Петра давало бы, казалось, поводъ выдѣлить его изъ двѣнадцати). Сюда же относится и видѣніе Тайнозрителя о градѣ Божіемъ, небесномъ Іерусалимѣ, имѣющемъ 12 вратъ и на нихъ 12 ангеловъ, а на вратахъ написаны имена 12 колѣнъ сыновъ Израилевыхъ, и «стѣны города имѣютъ двѣнадцать основаній, и на нихъ имена двѣнадцати апостоловъ Агнца» (Откр. 21, 12, 14). И эта подчеркнутая двѣнадцатерица небесной іерархіи, ветхозавѣтная и новозавѣтная — въ примѣненіи къ *ecclesia in conditione perfecta* достаточно выразительна сама по себѣ и не оставляетъ мѣста даже для подразумѣваемаго первоіерарха среди двѣнадцати апостоловъ, какъ нѣтъ ему мѣста въ сопоставляемыхъ двѣнадцатерицахъ небесной и ветхозавѣтной.

Начнемъ съ Лк. 22, 31-32: «И сказалъ Господь: Симонъ! се сатана просилъ, чтобы съять васъ какъ пшеницу. Но Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты нѣкогда обратившись утверди братьевъ твоихъ». Самое непосредственное значеніе этихъ словъ относится къ угрожавшимъ Петру опасностямъ, связаннымъ съ характеромъ Петра, его пылкостью, соединенной съ незнаніемъ себя. Прямое свидѣтельство объ этомъ дается въ дальнѣйшихъ стихахъ: Петръ *не услышалъ* внутреннимъ слухомъ скорбнаго предупрежденія, не осозналъ въ себѣ своей слабости до ея обнаруженія и, какъ не разъ и прежде, свой темпераментъ, эмоциональность принимаетъ за силу и твердость: «Онъ отвѣчалъ Ему: «Господи! съ Тобою я готовъ и въ темницу и на смерть идти» (Лк. 22, 33), и тогда Господь прямо предваряетъ его о предстоящемъ отреченіи (хотя и послѣ этого Петръ *въ тотъ моментъ* не смутился даже и столь прямого пророчества, иначе бы онъ не вознамѣрился защищать Христа мечемъ). Страшная опасность и страшное испытаніе ожидали всѣхъ учениковъ, но больше всего имъ подвергался «старшина», ибо прямого отреченія не совершилъ ни одинъ изъ апостоловъ. И отъ гибели, отъ страшнаго удѣла Іуды, его сохранила молитва Христа, и дрогнувшая вѣра окончательно не оставила его.

И спасенный отъ гибели и воздвигнутый изъ глубины паденія молитвой Христовой, Петръ призывается умудренный испытаніемъ, обратившись, утверждать братьевъ своихъ. Если толковать этотъ текстъ при свѣтѣ

бесѣды по пути въ Кесарію*) во *всемъ* ея обѣмѣ, то онъ долженъ быть приведенъ въ связь съ тогдашнимъ искушеніемъ Петра («ты мнѣ сатана»). Петръ, въ началѣ не устоявшій на камнѣ вѣры, сдвигается съ него и теперь и спасается лишь особой молитвенной помощью Учителя. Наученный этимъ испытаніемъ смиренію и твердости, онъ призывается утверждать братьевъ своихъ. Первый въ предстояніи, но и первый въ паденіи, онъ долженъ быть и первымъ въ вѣрѣ. Личное нераздѣлимо переплетается съ апостольскимъ. Видѣть здѣсь новое подтвержденіе «примата» возможно лишь при условіи, если онъ ранѣе, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, уже установленъ; внѣ этого условія придать такое значеніе тексту является дѣломъ экзегетическаго произвола. Однако, первенство Петра, понимаемое въ смыслѣ какой то его особой и исключительной роли въ апостольствѣ, несомнѣнно утверждается и здѣсь: вопреки своему паденію и несмотря на него, какъ будто даже въ силу его, ему подается помощь Христова словомъ и примѣромъ утверждать «братьевъ твоихъ — τούς ἀδελφούς σου» — однако, братьевъ, но не пасомыхъ и не низшихъ или подчиненныхъ. Ни *iurisdictio*, ни даже *infallibilitas* здѣсь не содержатся, если они только не даны уже ранѣе, въ другомъ мѣстѣ. Остается третій и послѣдній изъ устанавливающихъ «примать» текстовъ, Іо. 21, 15-17: «Когда же они обѣдали, Иисусъ говоритъ Симону Петру: Симоне Ионинъ!» (Мы уже отмѣтили выше тотъ оттѣнокъ,

*) Ср. d'Herbigny, l. c. 262, 4, параллелизмы, которые онъ находитъ *vere mirandum*, на самомъ же дѣлѣ довольно натянуты и произвольны.

который вносится этимъ троекратнымъ обращеніемъ къ Симону *Петру*: Симонъ уже не Петръ, — онъ пошатнулся въ своемъ петровствѣ и долженъ быть снова возвращенъ къ нему). «Любишь ли ты Меня — *ἀγαπᾶς με* больше нежели они?» Въ самомъ вопросѣ нельзя не видѣть тихаго укора самоувѣренному Петру, который такъ недавно еще увѣрялъ въ присутствіи всѣхъ: «если и всѣ соблазнятся о Тебѣ, я никогда не соблазнюсь» (Мѡ. 26,33 — Мр. 14, 29 — Іо. 13, 37). Но Господь щадить своего ученика, и это *паче сихъ* въ дальнѣйшихъ вопросахъ болѣе уже не повторяется. «(Петръ) говоритъ Ему: такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя» *φιλῶ σε*, не только люблю Тебя влеченіемъ сердца, но имѣю Тебя какъ друга, — *φιλῶ*, больше чѣмъ *ἀγαπῶ*, почему и Петръ съ настойчивостью повторяетъ во всѣ три отвѣта: *φιλῶ σε*. Между тѣмъ Спаситель и второй разъ, какъ бы не слыша Петровскаго *φιλῶ*, спрашиваетъ его снова: *ἀγαπᾶς με* и лишь въ третій и послѣдній разъ Онъ достаиваетъ ученика вопроса: *φιλεῖς με*, т. е. спрашиваетъ его въ такомъ именно тонѣ, какого хотѣлъ ученикъ. — (Иисусъ) говоритъ ему: паси овецъ Моихъ *θὸςκε τὰ ἀρνία μου*. Еще говоритъ ему въ другой разъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня? (Петръ) говоритъ Ему: такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисусъ говоритъ ему: паси овецъ Моихъ — *ποιράνε τὰ προβάτια μου*. Говоритъ ему въ третій разъ: Симонъ Іонинъ! любишь ли ты меня? Петръ опечалился, что въ третій разъ спросилъ Его: любишь ли ты Меня?» Этой печалью Петра евангелистъ свидѣтельствуемъ, что и Петромъ эта бесѣда воспринята была болѣзненно,

какъ тяжелое воспоминаніе и какъ бы публичная исповѣдь, какъ публично былъ совершенъ и грѣхъ отреченія. «Іисусъ говоритъ ему: паси овецъ Моихъ — *βόσκη τὰ πρόβατα μου*. (Nota bene: *паси* въ первомъ и въ въ третьемъ случаѣ *βόσκη*, разъ въ соединеніи съ *ἀρμια*, другой съ *πρόβατα*, а во второй разъ *ποιμαίνε* съ *πρόβατα*).

Что прямое и непосредственное отношеніе этотъ разговоръ имѣетъ къ паденію Петра и его возстановленію, объ этомъ, кажется, не можетъ быть спора: это слишкомъ ясно подчеркнута и троекратностью вопроса, соответствующаго троекратному отреченію, и Петровскимъ «скорбѣ». Какой пробѣлъ въ исторіи ап. Петра получился бы, если бы не было этого примиренія и его возстановленія! Естественно, что позднѣшій евангелистъ, завѣдомо восполнявшій уже имѣвшіяся въ обращеніи синоптическія евангелія, съ такимъ тщаніемъ остановился на этомъ. Но цѣль разсказа явно простирается дальше одного прощенія и возстановленія въ дружбѣ Христу, къ которой Онъ призвалъ въ прощальной бесѣдѣ: «вы друзья мои» (Іо. 15, 14), рѣчь идетъ и о возстановленіи Петра въ его апостольскомъ достоинствѣ и правахъ, причемъ это возстановленіе выражено въ образной формѣ: паси — окормляй, управляй, *βόσκη - ποιμαίνε* — агнцевъ (овечекъ), овецъ Моихъ. Обычно въ католической литературѣ подъ *ἀρμια*, разумѣются міряне, а подъ *πρόβατα*, пастыри, т. е. епископы. Послѣдовательность требовала бы подразумѣвать здѣсь уже и апостоловъ, начиная съ Іоанна, какъ порученныхъ управленію примата.

Однако, такое допущеніе явно не соотвѣтствуетъ обстановкѣ разсказа, гдѣ присутствовали и эти мнимыя овцы, въ качествѣ объдающихъ и вмѣстѣ свидѣтелей примиренія Христа со Своимъ апостоломъ. Вообще это истолкованіе овецъ, какъ епископовъ, представляется намъ совершенно произвольнымъ примышленіемъ, опирающимся на предвзятость. Несомнѣнно, Петръ возстановляется во всемъ, что онъ имѣлъ, но не пріобрѣтаетъ ничего новаго, чего не имѣлъ. Поэтому возстановляется и примать апостола Петра въ томъ смыслѣ и во всемъ томъ объемѣ, въ какомъ онъ существовалъ. Совершается *restitutio in integrum*, которая сама по себѣ не содержитъ указаній относительно этого интегральнаго состоянія. И тексты Іо. 21, 15-17, также какъ Лк. 22, 33-34, получаютъ свое значеніе лишь въ зависимости отъ Мѡ. 16, 18-22 и въ его свѣтѣ.

VI.

Итакъ, сопоставленіе новозавѣтныхъ текстовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что Петру апостолу принадлежало, дѣйствительно, особое, первое мѣсто среди двѣнадцати, но это былъ примать не власти, а авторитета, старшинства, первостоятельства, который притомъ принадлежалъ ему лишь въ соединеніи со всѣми, но не безъ всѣхъ и не помимо всѣхъ. Петръ былъ воистину первоапостоломъ по избранію и предназначенію Христову, и этого его старшинства невозможно отрицать. Однако, его необходимо и ограничить, и, прежде всего,

въ личномъ отношеніи. Петръ имѣетъ первенство *средн двѣнадцати*, какъ ихъ глава и представитель, призванный и провозглашенный Христомъ, который и дѣломъ и словомъ выдѣлялъ Петра, утверждалъ его петровство. Однако, кромѣ двѣнадцати, оказался еще тринадцатый апостоль, который не былъ на пути въ Кесарію Филиппову и не обѣдалъ со Христомъ и учениками у моря Тиверіадскаго, а, стало быть не слышалъ и троекратнаго «*паси*». Онъ былъ избранъ и поставленъ въ апостолы самимъ Христомъ, такъ сказать, внѣ вѣдѣнія Петра и какого либо отношенія къ нему, и это свое избранничество онъ утверждалъ съ особенной ревностью и силою. «Павель апостоль (избранный) не челоуѣками и не черезъ челоуѣка, но Іисусомъ Христомъ и Богомъ Отцомъ» (Гал. 1, 1), «рабъ Іисуса Христа, призванный апостоль, избранный къ благовѣстію Христову» (Рим. 1, 1), «принялъ Евангеліе и научился не отъ челоуѣка но чрезъ откровеніе Іисуса Христа» (Гал. 1, 11-12). И «когда Богъ, избравшій меня изъ утробы матери моей и призвавшій благодатію Своею благоволилъ открыть во мнѣ Сына Своего, чтобы я благовѣствовалъ Его язычникамъ: я не сталъ тогда же *совѣтоваться съ плотью и кровью и не пошелъ въ Іерусалимъ къ предшествующимъ мнѣ апостоламъ*», (Гал. 1, 16-17), и лишь три года спустя ходилъ въ Іерусалимъ «видѣться съ Петромъ» и потомъ, 14 лѣтъ спустя «по откровенію» ходилъ въ Іерусалимъ видѣться съ апостолами, получить признаніе въ томъ, что ему «ввѣрено благовѣствованіе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ», отъ Іакова, Кифы и Іоанна, «почитаемыхъ столпами». (Гал. 2, 7-10). Ср.

1 Кор. 9, 1 сл.; 2 Кор. 11, 5 сл.-12, 1-14. Неоспоримо, что апостоль Павелъ, хотя работалъ и не безъ соприкоснове- нія и согласія съ двѣнадцатю, но представляетъ собою самозаконное явленіе, утверждаетъ собой какую то свою автономію отъ «Петра и иже съ нимъ». «Не апостоль ли я? Не свободенъ ли я? Не видѣлъ ли я Іисуса Христа Господа нашего?». (1 Кор. 9, 1). Въ Павлѣ живетъ яркое, и можно сказать, воинствующее сознаніе своей апостоль- ской самозаконности и свободы, какъ и вся его дѣятель- ность фактически протекаетъ совершенно самостоятельно отъ прочихъ апостоловъ. «Ибо у меня ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ высшихъ апостоловъ». (2 Кор. 12, 12). Странно и невѣрно было бы утверждать, будто и Павелъ былъ какъ то связанъ приматомъ Петра, между тѣмъ, какъ онъ самъ сознаетъ себя никѣмъ не связаннымъ. Павелъ является какъ бы экстерриториальнымъ для Петра и двѣнадцати: Павелъ на одной сторонѣ, апостолы на другой. Новый «основатель христіанства» дѣлаетъ свое великое дѣло, повинувшись непосредственно внуше- ніямъ свыше и велѣніямъ своей апостольской совѣсти. На ряду съ двѣнадцатю онъ не тринадцатый, но един- ственный, одинъ, его и Петръ не представляетъ, и онъ недоступенъ его примату. Благовѣствованіе Павла есть граница примата Петра. И Провидѣнію было угодно, чтобы оба оказались первостоятелями Римской Церкви,*) гдѣ и пріяли мученическую кончину. Такимъ образомъ, примать Петра въ мѣстѣ его прямого и наибольшаго

*) Оба же они поставили вмѣстѣ перваго преемника апостоловъ на римской кафедрѣ Лина (I r i n a e u s. Adv. haeres. 3, 31).

проявленія оказался фактически не безусловенъ, ибо имѣлъ границу въ Павлѣ. Такое же значеніе имѣетъ и издревле установленное, а потому общее Церкви восточной и западной совмѣстное празднованіе памяти святыхъ и *первоверховныхъ* апостоловъ Петра и Павла. Къ чествованію этой римской перво dvojицы церковь подготовляетъ вѣрующихъ общимъ постомъ. Дѣлать изъ памяти Петра и Павла торжество примата одного ап. Петра (какъ это было бы естественно ожидать) оказывается невозможно, по смыслу этого празднованія, какъ оно истолковывается въ соотвѣтствующихъ богослуженіяхъ (29-го и 30-го Іюня). Здѣсь самымъ рѣшительнымъ образомъ устанавливается «первоверховенство» Петра, но устанавливается вмѣстѣ съ тѣмъ и «первоверховенство» Павла, притомъ такъ, что оба эти первенства не противорѣчатъ другъ другу, но совмѣщаются и взаимно восполняются.*)

*) Приведемъ примѣры. Ап. Петръ многократно именуется здѣсь: «Петре, апостоловъ основаніе, каменю Христовой церкви, христіановъ начало, паси овцы двора твоего славно, агнцы твои сохрани отъ волковъ льстивыхъ, (впрочемъ говорится объ этомъ: «трикратнымъ вопрошеніемъ еже, Петре, любиши-ли Мя, трикратное отверженіе Христомъ исправиль есть... Твое тоекратное, еже прежде страсти изцѣляя отверженіе, владыка трикратнымъ боговѣщеніемъ, Петре, вопрошеніемъ утверждаетъ любовь»). «Показался еси камень вѣры и ключарю благодати». «Верховнѣйшаго апостоловъ днесъ, яко первозваннаго Христова, тя Предвѣчный предувѣдѣвъ предустави, блаженный Петре, яко предстателя Своея церкви и первопрестольника». «Тебѣ Христось первозванному и зѣло возлюбленному яко предсѣдателю благославну апостоловъ первому Христось является, воскресъ изъ гроба». «Лучшій апостоловъ Петръ... и камня тебѣ непостыдна, церкви водруженіе и основаніе положи». «Верховное основаніе апостоловъ... Рима ты былъ еси первый епископъ превеликаго градовъ сила и похвала

VII.

Отношеніе апостоловъ Петра и Павла представляется, однако, совершенно специфическимъ, оно устанавливается изъ ихъ значенія въ проповѣди христіанства, въ подвигъ апостольскомъ. Но они совершенно несопоставимы въ ихъ личномъ отношеніи къ Іисусу Христу, слѣдо-

и церкви Петре утвержденіе». Однако, и Павелъ ублажается не меньше, хотя обычно и другими словами, но иногда, страннымъ образомъ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ что и Петръ: «Бысть, Христе, печать и вѣнецъ апостоловъ Твоихъ, иже на послѣдокъ званный время, тщаніемъ же всѣхъ превзошедъ». «Павле — уста Господничи, основаніе ученія». «Ты камень основанія вѣрнаго душамъ положился еси многоцѣненъ и краеуголенъ Спаса и Господа, Павле всеблаженне, на основаніи твоёмъ, молися, добродѣтелей всехвальныхъ назидатися свѣтлости». Но самое поучительное это, когда оба они ублажаются Церковью почти одними словами. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Оба они именуются «богопроповѣдниковъ первостоятели: оваго убо яко апостоловъ предначальника, оваго же яко паче иныхъ трудившагося». «Ученики Христовы и основаніе церкви, истинныя столпы и стѣны и трубы божественныя Христовыхъ ученій и страданій, верховныя Петре и Павле, яко всего міра предстатели восхвалимъ»... «О, Петре, камене и основаніе, и Павле, сосуде избранный! иже и сопряженніи волю Христовы, вся привлекоша къ богоразумію». (Арсеніево). «Петре, верховне славныхъ апостоловъ, камению вѣры, и Павле чудне, святыхъ церквей витія и свѣтильниче. Павле, уста Господня, основаніе вѣры». (Германово). «Вышняго Іерусалима граждане, камень вѣры, витія церкви Христовы тройческая двоица, міра ловцы, оставльще днесь яже на земли отыдоша страданіемъ Богу». (Іоанна монаха). «Церковнаго камня, всехвальнаго Петра, и поборника Павла, мірскую мрежу достойно восхвалимъ вѣрніи, яко и муща ключи небесныя. Твердыя и боговѣщанныя проповѣдатели, верхъ апостоловъ Твоихъ, Господи». «Радуйтесь, Петре и Павле, ученій божествен-

вательно, и въ ихъ положеніи среди двѣнадцати по той простой причинѣ, что Павелъ вовсе и не былъ однимъ изъ двѣнадцати, онъ не зналъ Господа на землѣ, онъ не присутствовалъ при исповѣданіи Петровомъ и отвѣтныхъ словахъ Господа, онъ не участвовалъ въ той трапезѣ, за которой Петру было сдѣлано троекратное вопрошаніе: любишь ли Мя, и сказано отвѣтное троекратное: п а с и. Въ извѣстномъ смыслѣ Павелъ не является соапостоломъ Петру и двѣнадцати, которые были призваны быть именно «свидѣтелями» (Лк. 24, 48; Д. А. 1,8) Христовыми и поэтому могли сказать съ Іоанномъ апостоломъ: «о томъ, что было отъ начала, что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали и что осязали руки наши... о томъ, что видѣли и слышали, возвѣщаемъ вамъ» (Іо. 1, 1-3). Поэтому въ извѣстномъ смыслѣ Павелъ не соотносителенъ Петру, и, будучи вмѣстѣ съ нимъ «первоверховнымъ апостоломъ» Церкви, онъ не есть, однако первоапостоль среди двѣнадцати, какимъ неоспоримо, по избранію Господню, является Петръ.

Но есть среди двѣнадцати и второй первоапостоль, рядомъ съ Петромъ. То — Іоаннъ Зеведеевъ, Воанергесъ, сынъ громовъ. И объ его первоапостольствѣ громовое

ныхъ основанія незыблемы, друзи Христовы, сосуди честни». (Космы монаха). Выясненіемъ смысла этого совмѣстнаго почитанія «божественной двойцы» первоверховныхъ апостоловъ и слѣдуетъ въ первую очередь заняться. Это совмѣстное почитаніе двойцы Петра и Павла выражается и въ установленномъ церковью постѣ, приуготовляющѣмъ вѣрующихъ къ празднованію ихъ памяти (и, разумѣется, нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что постъ этотъ относится къ почитанію именно Петра).

свидѣтельство имѣемъ мы въ Новомъ Завѣтѣ: въ Евангеліи Іоанна, а также въ его посланіяхъ и Апокалипсисѣ.

Извѣстно, что Евангеліе отъ Іоанна для исторической «критики» являющееся неразрѣшимой загадкой (ибо *некому* изъ извѣстныхъ исторіи лицъ приписать этого творенія), незыблемымъ церковнымъ преданіемъ приписывается Іоанну Богослову. Извѣстно также, что и по языку, и по плану, и по содержанію оно отличается отъ трехъ остальныхъ, «синоптическихъ» Евангелій, причемъ завѣдомо предалагаетъ и восполняетъ ихъ. Будучи наиболѣе позднимъ по происхожденію (на исходѣ I вѣка), оно подразумѣваетъ и соотвѣтствующую историческую обстановку: отсутствіе живыхъ очевидцевъ жизни Спасителя, кромѣ самого Евангелиста («и видѣвый свидѣтельствова и истинно есть свидѣтельство его», Іо. 19, 35. 21, 24), мученическую кончину апостола Петра (Іо. ~~12~~¹³ 18-19), церковноисторическія недоумѣнія послѣ-апостольскаго вѣка: ожесточенную борьбу съ гнозисомъ.

Авторъ Евангелія отъ Іоанна (Іо. 19, 26, 35. 21, 24) лично остается въ тѣни и выступаетъ изъ нея лишь постольку, поскольку это вызывается необходимостью повѣствованія, при сообщеніи того, чего онъ былъ или теперь остается единственнымъ очевидцемъ и чего, кромѣ него, никто сообщить не можетъ. Тогда онъ выступаетъ обычно подъ дорогимъ для его сердца обозначеніемъ: «ученикъ, его же любяше Іисусъ» (Іо. 13, 23. 19, 26. 20, 2. 21, 7, 20) или же просто «другій ученикъ» (1, 40. 18, 15. 20, 2, 4, 8). Отмѣчено, что въ Евангеліи отъ Іоанна имя самого Іоанна совсѣмъ ни разу не встрѣчается (въ Евангеліи Мѣ. оно встрѣчается 3 раза, Мр. — 10 разъ,

Лк. — 7). Даже «сыновья Зеведеевы, Иаковъ и Иоаннъ», обычное у синоптиковъ (Мѡ. — 3 раза, Мр. — 10, Лк. — 5) встрѣчается только разъ (и то сокращенно, безъ именъ: *οἱ τοῦ Ζεβεδέου* 21, 2).*)

*) Вл. Соловьевъ пишетъ въ *La Russie et l'Eglise universelle*, p. 154, 2: «полагая, что между ближайшими учениками Иисуса никто не имѣлъ столько правъ на особенное отличіе, какъ возлюбленный ученикъ Иоаннъ, я сосчиталъ, сколько же разъ Евангеліе и Дѣянія упоминаютъ объ Иоаннѣ и сколько о Петрѣ. И оказалось, что эти числа относятся приблизительно какъ 1 къ 4. Петръ названъ 171 разъ (114 въ Евангеліяхъ и 57 въ Дѣяніяхъ), а Иоаннъ лишь 46 разъ (38 разъ въ Евангеліяхъ, включая тѣ случаи, когда онъ самъ говоритъ о себѣ косвенно, и 8 въ Дѣяніяхъ). (Эта статистика такъ понравилась d'Herbigny, что двоекратно онъ приводитъ ее: и въ пространномъ *Th. de ecclesia*, I, 209, 1 и въ популярной *L'unité dans le Christ*, p. n. II). Если бы Соловьевъ спросилъ себя, какое количество упоминаній о Петрѣ связано съ проявленіями его личныхъ свойствъ и слабостей, а отнюдь не съ первоапостольствомъ, если бы, далѣе, тѣмъ же методомъ онъ сравнилъ, сколько разъ упоминаются имена Иуды, Ирода, Анны, Пилата сравнительно съ Иоанномъ и ужъ тѣмъ болѣе другими апостолами, онъ убѣдился бы, какъ мало пригодна эта статистика въ качествѣ богословскаго аргумента. Но въ примѣненіи къ ап. Иоанну, который явно и преднамѣренно себя не называетъ, хотя, какъ Евангелистъ, онъ *de facto* подразумевается во всѣхъ событіяхъ, которыя описываетъ, статистико-богословскій *larsus* Соловьева становится прямо разительнымъ. И, помимо этого, развѣ можно высчитывать, какъ равнозначныя отмѣтки, такія, напримѣръ, упоминанія: «паки убо Петръ отвержеся», *Іо. 18, 27*, и «Жено, се сынъ Твой» (*Іо. 19, 26*). (Ср. *Johannes* у *Wetzer und Welte's Kirchenlexikon*, VI, 1536 сл.). А если бы подобнымъ статистическимъ методомъ ктонибудь вздумалъ мѣрить значеніе Богоматери, забывая объ Ея «смиреніи» (какъ и въ данномъ случаѣ забывается и о смиреніи нареченнаго сына Ея — апостола Иоанна), то результаты оказались бы еще болѣе разительные. Разумѣется, статистическій методъ представляетъ собою цѣнное орудіе экзегетическаго анализа при соотвѣтственномъ примѣненіи, но въ данномъ случаѣ онъ является грубымъ и потому неудачнымъ.

У синоптиковъ апостоль Іоаннъ занимаетъ достаточно видное мѣсто. Онъ призывается Господомъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Іаковомъ (который, какъ старшій, обычно именуется впереди: Мѡ. 4, 21. Мр. 1, 89. Лк. 5, 10). Къ числу сопровождавшихъ Іисуса женщинъ принадлежала и мать Іоанна, которая стояла и у креста (Мѡ. 27, 55-56. Мр. 15, 40-41), причемъ самъ евангелистъ Іоаннъ обозначаетъ ее, какъ «сестру Матери Его» (19, 25), откуда слѣдуетъ, что и самъ онъ находился въ родствѣ по плоти съ Господомъ. Господь далъ Іоанну, вмѣстѣ съ братомъ его Іаковомъ, имя (*ἰωαννα*) — Воанергесъ; т. е. «сынъ громовъ», подобно тому, какъ Петру нарекъ имя (*ἰωαννα*) Петра (Мр. 3, 16-17). Только эти апостолы и получили такое отличіе. Значеніе имени, даннаго Іоанну, полнѣе всего раскрывается изъ Апокалипсиса, гдѣ онъ является слышателемъ и вѣстникомъ небесныхъ громовъ; значеніе переименованія въ отношеніи къ брату его остается неизвѣстнымъ. Видѣть же въ этомъ наименованіи *только* намекъ на случай въ Самаріи (Лк. 9, 54-56), т. е. пророческую иронію, конечно, недостойно словъ Спасителя.

Іоаннъ съ братомъ были рыбаки и имѣли общее дѣло съ Петромъ (Лк. 5, 10. ср. Мр. 1, 19). Призванный Христомъ въ числѣ двѣнадцати, онъ еще разъ возвращался къ своему занятію, но послѣ чудеснаго лова рыбы окончательно оставилъ все и послѣдовалъ за Христомъ (Мѡ. 4, 21. Мр. 1, 19. Лк. 5, 1.11). Ставъ апостоломъ, Іоаннъ сдѣлался однимъ изъ приближенныхъ учениковъ Христовыхъ, именно однимъ изъ тѣхъ трехъ, Петръ, Іаковъ, Іоаннъ, которые были и при воскрешеніи дщери

Іаира (Лк. 8, 51), и на горѣ Преображенія (Мѡ. 17, 1 сл. Мр. 9, 2) и на Елеонской горѣ при бесѣдѣ о концѣ міра (Мр. 13, 3), и, вмѣстѣ съ Петромъ, онъ уготовляетъ горницу для Тайной вечери (Лк. 22,8), присутствуетъ при Геѡсиманскомъ бореніи (Мѡ. 26, 37. Мр. 14, 33). Однимъ словомъ, Іоаннъ по синоптикамъ является однимъ изъ видныхъ апостоловъ, приближенныхъ къ Христу, но и только. Изъ индивидуальныхъ чертъ выдѣляется его ревнивая пылкость, съ которой онъ возбраняетъ челоуѣку, изгоняющему именовъ Христовымъ бѣсовъ, но не ходящему за Нимъ, но получаетъ отъ Учителя замѣчаніе за свою ревность (Мр. 9, 38-40); въ другой разъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, онъ изъявляетъ готовность низвести огонь съ неба на непріязненныхъ самарянъ, и также встрѣчаетъ возраженіе Учителя (Лк. 9, 54). Эта ревность въ немъ является еще непросвѣтленнымъ проявленіемъ пламенной любви, свойственной его натурѣ. Однажды и онъ дѣлается жертвой іудейскаго мессіанскаго соблазна, вмѣстѣ съ братомъ и матерью, въ связи съ возникшими среди учениковъ разговорами о первенствѣ въ этомъ мессіанскомъ царствѣ, въ отвѣтъ на что они получаютъ должное вразумленіе отъ Учителя: Мѡ. 20, 20 слл. Мр. 10, 35 сл., при этомъ они вызываютъ негодованіе другихъ учениковъ. Отдавая дань своей средѣ и времени, Сынъ Громовъ, однако, является чуждымъ слабости воли и неустойчивости характера, которыя оказываются присущи Кифѣ, по крайней мѣрѣ, прямыя свѣдѣнія объ этомъ отсутствуютъ. Въ общемъ, однако, приходится сказать, что на основаніи синоптиковъ не можетъ быть и рѣчи о сопоставленіи Петра и

Іоанна въ отношеніи первенства среди апостоловъ, оно здѣсь явно и безспорно принадлежитъ одному Петру.

Теперь, обращаясь къ Евангелію Іоанна, мы должны отмѣтить, что насколько оно по общему заданію представляетъ собой *восполненіе* синоптиковъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, происходя отъ одного изъ наиболее приближенныхъ апостоловъ, является повѣствованіемъ и объ этомъ самомъ апостолѣ. Онъ самъ, какъ свидѣтель и соучастникъ, является неизбѣжно предметомъ повѣствованія, Евангеліе *отъ* Іоанна является Евангеліемъ и *объ* Іоаннѣ. И, дѣйствительно, оно даетъ иной его образъ, конечно, не противорѣчащій синоптическому, однако, вносящій въ него совершенно новыя черты. Предвосхищая итоги анализа, мы должны напередъ указать, что оно даетъ образъ Іоанна, какъ *перваго среди апостоловъ, или первоапостола, наряду съ Петромъ*, и это нужно со всей ясностью, наконецъ, увидать. И это не преднамѣренно подсказываемая и навязываемая идея, («Tendenz»), но непроизвольный выводъ, который самъ собою вытекаетъ изъ содержанія Евангелія отъ Іоанна. Мы можемъ мысленно воспроизвести нѣкоторые изъ тѣхъ неотвѣченныхъ и недоумѣнныхъ вопросовъ, которые возникали во время написанія Евангелія отъ Іоанна, но не находили отвѣта у синоптиковъ, въ связи съ происшедшими событіями. И самый основной фактъ эпохи, это то, что Іоаннъ остался уже единственнымъ на землѣ изъ всѣхъ апостоловъ Христовыхъ. Совершилось Успеніе Богоматери, прославилъ смертію Бога Петръ, первый среди апостоловъ. Какъ же должно пониматься отношеніе апостола Іоанна къ его преемникамъ? И особенно въ связи съ таинствен-

ными слухами о томъ, что Сынъ Громовъ не вкуситъ смерти, особенно послѣ того, какъ она оказалась не имѣющей власти надъ нимъ въ томъ самомъ Римѣ, гдѣ пріяли мученическую кончину оба первоверховныхъ апостола*). Если въ отношеніи къ богословскому содержанію Евангеліе отъ Іоанна является обличеніемъ докетизма и отвѣтомъ на связанные съ нимъ вопрошанія, то въ вопросахъ внутренней церковной жизни оно содержитъ дальнѣйшее развитіе ученія объ апостольскомъ приматѣ, въ частности, въ отношеніи къ Іоанну. Въ этомъ смыслѣ и надо понимать и то, что сказано и не сказано и то, какъ сказано и не сказано въ Евангеліи Іоанна.

И, прежде всего, сей дивный, какъ многоцвѣтная глубина синевы небесной, неизслѣдимый, прологъ Іоаннова Евангелія! Развѣ это боговдохновенное пареніе остроокаго орла, таинника и друга Христова, не есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исповѣданіе первоапостола, которое прямо *требуетъ* сопоставленія съ исповѣданіемъ Петровымъ, — «въ началѣ бѣ Слово» съ «Ты еси Христосъ Сынъ Бога Живаго», какъ откровеніе тайнъ Божіихъ, тріединства Пресв. Троицы?**)

*) По преданію, въ царствованіе Домиціана Іоаннъ вверженъ былъ въ кипящее масло, но остался невредимъ.

**) И такъ ублажаетъ Евангелиста-Богослова св. Церковь (служба св. Іоанну Богослову на 26-ое сентября):

Воистину ты явился еси, истинный другъ, паперстникъ великъ учителю Христу,

На перси бо возлегъ, отонудуже почерпалъ еси премудрости догматы,

Ими же обогащаеши еси окрестъ всю землю, яко богоглагольникъ Божій,

И все содержаніе Евангелія Іоанна, соблюдшаго для христіанства рѣчи Христовы, Его ученіе о Себѣ и объ Отцѣ и о Духѣ Утѣшителѣ, прощальную бесѣду съ ея обѣтованіями и первосвященническую молитву Христову, — какъ оскудѣлъ бы міръ и наше немощное сознаніе, если бы мы лишились этого рая чудесъ и тайнъ Божіихъ! Какъ возвеличенъ Богомъ тотъ ученикъ, которому ввѣрено принять и предать міру эти священные глаголы! Уже и какъ Евангелистъ-Богословъ, апостоль Іоаннъ

Тѣмъ же и содержащи сія красная Христова Церковь нынѣ радуящися веселится.

(Андрея Пирра). Яко неизрѣченныхъ тайнъ самовидѣць, воззвалъ еси вопія:

Превѣчное Слово, вначалѣ быти къ Богу и того быти Бога,

Іоаше апостоле, наперстниче Христове и друже присный,

Троицы сладосте, Ефеса и Патма утвержденіе непоколебиме, паша же помощь.

(Слава). Возлегъ на перси Учителя Христа на Вечери Господней,

Оттуду позналъ еси неизрѣченныя и небесный всѣмъ возгремѣлъ еси гласъ:

Вначалѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово,

Свѣтъ истинный просвѣщаяй всякаго чловѣка въ міръ грядущаго, Христось Богъ и Спасъ душъ нашихъ.

(Іоанна монаха). Апостоле Христове, Евангелисте Богослове

Неизрѣченныхъ таинникъ бывъ премудрости неизглагольные намъ возгремѣлъ еси ученіе.

Еже вначалѣ бѣ, уяснивъ вѣрнымъ, и иже не бѣ отложивъ, еретичествующихъ отрѣвая въ словесахъ

Наперстникъ явився и другъ возлюбленъ яко же Исаія велегласнѣйшій и Моисей Боговидецъ.

Дерзновеніе имѣя къ Богу, прилежно молися о душахъ нашихъ.

есть первоапостоль, избранный и возлюбленный ученикъ Христовъ, пріавшій въ свое сердце божественные глаголы Учителя, вмѣстѣ съ вѣлѣніемъ сохранить ихъ для міра. Но при этомъ на каждомъ шагу раскрывается исключительная близость и избранничество этого ученика, который, какъ истинный «сынъ» Матери смиренія, по имени себя не называетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ и не хочетъ предать забвенію, что онъ былъ удостоенъ явно и несомнѣнно особой любви Господней: онъ тотъ, «его же любляше Іисусъ» (а въ болѣе торжественномъ случаѣ и самое дорогое и радостное воспоминаніе: «ученикъ, его же любляше Іисусъ, иже возлеже на вечери на перси Его и рече: Господи, кто есть предаѣй Тя», Іо. 21, 20). И присутствіе этого возлюбленнаго, но не называющаго себя апостола и его близость къ Господу чувствуется даже тамъ, гдѣ о немъ вовсе и не говорится. Обратите на самомъ дѣлѣ вниманіе: въ главѣ 3 разсказывается бесѣда съ Никодимомъ, который приходилъ ко Христу тайно ночью и бесѣдовалъ съ Нимъ наединѣ, причемъ ему повѣданы были тайны Царствія Божія: и о новомъ рожденіи отъ Духа, и объ образѣ этого рожденія, и о томъ, какъ возлюбилъ Богъ міръ, не пощадивъ для спасенія его Сына Своего, и о судѣ, и о спасеніи. Откуда же знаетъ евангелистъ о томъ, что происходило при этомъ ночномъ свиданіи? Онъ можетъ знать объ этомъ только отъ Самого своего Божественнаго Друга, который повѣдалъ тайну любимому. Бесѣда съ Самарянкой: ученики ушли въ городъ, и Господь у колодца Іакова подъ сводомъ небеснымъ ведетъ Свой разговоръ съ этой женщиной, которой открывается, какъ Мессія (Іо. 4, 25-6),

задолго до Кесаріи Филипповой. Отъ кого же знаетъ объ этомъ Евангелистъ, если опять не отъ Божественнаго Друга, не утаившаго и этой бесѣды отъ любимаго ученика? (И потому среди учениковъ на пути въ Кесарію Филиппову могъ быть, по крайней мѣрѣ, одинъ, который зналъ, что нужно отвѣтить на вопросъ Учителя, и, однако, безмолвствовалъ, — лишнее, хотя и косвенное подтвержденіе того, что Петръ отвѣчалъ отъ лица всѣхъ, выражая не только свою личную, но и общеапостольскую вѣру). А случай съ женщиной, взятой въ прелюбодѣянніи: вѣдь, Господь сказалъ ей Свой приговоръ, когда около нея не осталось никого (Іо. 8, 10), откуда же знаетъ объ этомъ Евангелистъ, если не отъ Самого Христа? А откуда стало вѣдомо ему содержаніе разговора Христа съ исцѣленнымъ слѣпорожденнымъ, которому опять таки было открыто о Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ (т. е. сущность Кесарійскаго исповѣданія Петрова), какъ не отъ Самого же Христа?*)

*) Можетъ быть, на это скажутъ, что богодухновенные писатели узнаютъ Духомъ Святымъ, а потому и самыя выпрошанія эти неумѣстны. Однако отводъ этотъ здѣсь недѣйствителенъ. Разумѣется, осѣненіе Духа Святаго необходимо для того, чтобы сообщить непогрѣшительность въ повѣствованіи о вещахъ божественныхъ, которая недостижима ни для какого человѣческаго дарованія. Но апостолы призваны были Господомъ именно быть «свидѣтелями» (Лк. 24, 48. Д. А. I, 8) и въ частности самъ Іоаннъ прямо говоритъ объ апостолахъ, какъ очевидцахъ (I. 10, I. 1-3); ср. также 2 Петра I, 16. Единственный апостоль, не бывшій очевидцемъ, въ одномъ только случаѣ получилъ прямое откровеніе Божіе о событіи земной жизни Христа, именно объ установленіи причащенія, при которомъ онъ самъ не присутствовалъ, но потому и говоритъ опредѣленно: «азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ». (I Кор.

А развѣ кто присутствовалъ при разговорѣ Христа съ пошедшей Ему навстрѣчу Марѳой, которой были сказаны сладостныя слова: «Азъ есмь воскресеніе и жизнь», причемъ въ отвѣтъ ею было произнесено исповѣданіе Петра («Ты — Христось, Сынъ Божій, Грядущій въ міръ») (Іо. 11, 20-27)? И здѣсь снова напрашивается предположеніе, что это было открыто Іоанну Господомъ. Вообще сопоставленіе содержанія Іоаннова Евангелія съ синоптическими приводитъ необходимо къ заключенію, что Іоаннъ, какъ пользовавшійся особенной близостью къ Христу, Его любовью и довѣріемъ, могъ знать (Іо. 13, 23-4) и, дѣйствительно, зналъ отъ Него такое, чего не знали другіе ученики. По этой близости отношеній не Петръ, но именно онъ былъ первоапостоломъ Христовымъ. Этотъ выводъ доселе подсказывался намъ лишь косвенными указаніями Іоаннова Евангелія, въ которыхъ еще не говорится прямо ни о Петрѣ, ни объ Іоаннѣ. Теперь мы должны подтвердить его анализомъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ о нихъ прямо говорится, причемъ дается отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи двухъ первоапостоловъ, т. е. объ основахъ іерархическаго строенія Церкви.

11, 23). Въ данномъ случаѣ исключеніемъ подтверждается общее правило.

Другое предположеніе, здѣсь допустимое, это то, что Іоаннъ могъ узнать объ этомъ отъ Богоматери, жившей въ Его домѣ. Вообще говоря, печать особой близости къ Богоматери лежитъ на Евангеліи Іоанновомъ. Однако въ данномъ частномъ случаѣ нѣтъ п р я м ы х ъ основаній для этого предположенія.

VIII.

И прежде всего въ Евангеліи отъ Іоанна поражаетъ тотъ фактъ, что объ Іоаннѣ здѣсь говорится только двойко: или какъ о возлюбленномъ ученикѣ, перво-апостолѣ, или о *двоицѣ* его съ Петромъ. Не Петръ и Андрей, и не Іаковъ и Іоаннъ есть основная двоица Іоаннова Евангелія, но *Петръ и Іоаннъ*. И это исполнено особаго смысла и значенія. Разсмотримъ по порядку соотвѣтствующіе тексты:

А) *Призваніе Іоанна и Петра*. Первый разъ присутствіе Іоанна (прямо неназваннаго) отмѣчается въ разсказѣ о призваніи апостоловъ, который, какъ извѣстно, у Іоанна значительно отличается отъ синоптиковъ: согласно послѣднимъ, призваніе совершается при морѣ, во время рыбнаго промысла, здѣсь же ему, очевидно, предшествуетъ личное призваніе отдѣльныхъ учениковъ. Вѣрный своему правилу, Іоаннъ, предполагая уже извѣстнымъ разсказъ синоптиковъ, восполняетъ его интимными событіями, общему призванію предшествовавшими, но ему, какъ и многія другія, извѣстными. И оказывается, что *первыми* послѣдовали Христу Іоаннъ и Андрей, который затѣмъ привелъ Петра (чѣмъ и дается отвѣтъ на вопросъ о *двоицѣ*: какъ и въ какомъ порядкѣ были призваны Петръ и Іоаннъ?). «На другой день опять стоялъ Іоаннъ (Креститель) и двое изъ учениковъ его. И увидѣвъ идущаго Іисуса, сказалъ: вотъ Агнецъ Божій. Услышавъ отъ него сіи слова, оба ученика пошли за Іисусомъ. Іисусъ же обратившись и увидѣвъ ихъ идущихъ, говоритъ имъ: что вамъ надобно? Они сказали

Ему: Равви! (что значитъ: «учитель»!), гдѣ живешь? (*μένεις* — пребываешь, имѣешь остановку, «адресъ»)? Говорить имъ: пойдите и увидите. Они пошли и увидѣли, гдѣ Онъ живетъ. *И пробыли у Него день тотъ.* Было около десятаго часа (характерный для евангелиста приемъ обозначать свое личное присутствіе: не называя себя прямо, онъ даетъ какую нибудь черту, изобличающую очевидца). Одинъ изъ двухъ, слышавшихъ отъ Іоанна (о Іисусѣ) и послѣдовавшихъ за Нимъ, былъ Андрей, братъ Симона Петра. Онъ первый находитъ брата своего Симона и говоритъ ему: мы нашли Мессію, что значитъ «Христосъ». И привелъ его къ Іисусу. Іисусъ же, взглянувъ на него, сказалъ: ты — Симонъ, сынъ Іонинъ; ты наречешься Кифа, что значитъ: «камень» (Петръ).» (Іо. 1, 36-42). Въ этомъ разсказѣ обращаетъ на себя вниманіе, прежде всего, то обстоятельство, что первыми, послѣдовавшими за Іисусомъ и назвавшими Его *равви*, были ученики Іоанновы, Іоаннъ и Андрей, слышавшіе слово своего учителя о Немъ (Іо. 1, 26-36). При этомъ они пробыли цѣлый день у Учителя, услаждаясь словесами Его, и съ этого времени для Іоанна началась его близость къ Господу. Итакъ, по послѣдованію Христу онъ первый вмѣстѣ съ первозваннымъ Андреемъ. Послѣдній, однако, тотчасъ приводитъ «Симона-Петра», т. е. извѣстное всѣмъ лицо, то самое, о которомъ такъ много написано въ прежнихъ Евангеліяхъ, и пророчественныя слова ему («взглянувъ на него») неизбѣжно заставляютъ вспоминать о пути въ Кесарію Филиппову и явно находятся въ молчаливомъ съ ними соотношеніи. Скрытый смыслъ этого разсказа такой: да, такъ былъ призванъ Петръ, глава апостоловъ,

и сразу же былъ предопредѣленъ въ своемъ особомъ служеніи Христу, однако, еще ранѣе его уже провелъ день у Учителя, вмѣстѣ съ Андреемъ, будущій возлюбленный ученикъ.

Іоаннъ былъ въ числѣ учениковъ Іоанна Предтечи. И этому ученику повѣдана была учителемъ еще прежде его личного обращенія ко Христу сокровенная *тайна* Христова: *се агнецъ Божій*. «И услышавши отъ него сіи слова, оба ученика пошли за Іисусомъ» (Іо. 1, 37). Сокровенное вѣдѣніе тайны жертвеннаго Агнца неудержимо повлекло къ Нему Андрея и Іоанна, и *это* явилось *началомъ* вообще апостольскаго избранія: первозванный Андрей и первоапостоль любви Іоаннъ. И этимъ образомъ избранія — *не* призванія — проливается особый свѣтъ на близость любимаго ученика къ Господу: любимый ученикъ прозиралъ тайну жертвеннаго служенія. И, кромѣ того, устанавливается еще особая таинственная связь между Предтечей и апостоломъ Іоанномъ въ ихъ общемъ отношеніи къ Спасителю, и этой связью также любимый ученикъ ставится въ особое положеніе. Напротивъ, Петръ слышитъ впервые о Христѣ въ такой формѣ отъ брата своего Андрея: «мы нашли Мессію, что значитъ Христось» (Іо. 1. 41). Здѣсь уже содержится какъ бы предвареніе исповѣданія Петрова на пути въ Кесарію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь еще остается въ силѣ традиціонная еврейская эсхатологія, съ которой пришлось столько бороться Учителю въ ученикахъ Своихъ, и выраженія «Мессія» представляетъ собой гораздо большую неясность и многозначность, нежели трепетное слово Предтечи объ Агнцѣ Божіемъ. Апостолы медленно

и трудно воспитываются къ тому, чтобы въ представленіе объ іудейскомъ мессіи вмѣстить новое содержаніе объ Агнцѣ Божіемъ, но тѣмъ, чѣмъ они кончаютъ, *начинаетъ* возлюбленный ученикъ. И еще черта: рассказано о всѣхъ, кто изъ апостоловъ приходилъ эти дни ко Христу, — о Петрѣ, Филиппѣ, Наѳанаилѣ, — и о словахъ съ ними или о нихъ Учителя, но ничего не повѣдано о томъ, что было сказано «въ день тотъ» самому участнику этой бесѣды, — посвятельная бесѣда будущаго тайновидца остается тайной. Однако это умолчаніе по свѣому не менѣе выразительно, нежели тѣ пронзающія сердце слова, которыя слышали отъ Него тѣ дни другіе апостолы. Такъ никому не повѣдалъ тайновидѣцъ Божій Моисей (съ которымъ именно Церковь и сопоставляетъ въ пѣсняхъ своихъ Іоанна) о томъ, что онъ узналъ въ страшные и таинственные сорокъ дней и ночей на Синаѣ во огнѣ и мракѣ.

В). *На Тайной вечерѣ*. На протяженіи двухъ третей Евангелія самъ евангелистъ остается въ тѣни, выступая изъ нея только тамъ, гдѣ, какъ очевидецъ, онъ призванъ сообщить новыя подробности послѣднихъ дней и часовъ Спасителя, начиная съ разсказа о Тайной вечерѣ, причемъ и здѣсь онъ выступаетъ въ сопряженіи двоицы съ Петромъ. Заслуживаетъ, впрочемъ, вниманія, что эта двоица (только однажды) появляется уже и въ синоптическомъ повѣствованіи о Тайной Вечерѣ въ Евангеліи Луки: именно Господь посылаетъ *Петра и Іоанна* приготовить пасху и даетъ имъ соотвѣтственныя наставленія (Лк. 22, 8-13), что они и исполняютъ. Нельзя не отнестись съ благоговѣйнымъ вниманіемъ къ этой подробности о

Тайной Вечери: Женихъ избираетъ себѣ двухъ архитеклиновъ, начальниковъ пира, которымъ и ввѣряетъ его устройство, какъ будто пророчественно указуя, что въ грядущія времена Тайная Вечеря пребудетъ только въ предѣлахъ, куда простирается область первоапостольной двоицы.

Господь повѣдалъ ученикамъ Своимъ о грядущемъ предательствѣ Его однимъ изъ учениковъ. «Тогда ученики озирались другъ на друга, недоумѣвая, о комъ Онъ говоритъ. Одинъ же изъ учениковъ Его, котораго любилъ Иисусъ, возлежалъ у груди Иисуса. Ему Симонъ Петръ сдѣлалъ знакъ, чтобы спросилъ, кто это, о которомъ говоритъ. Онъ, припадши къ груди Иисуса, сказалъ Ему: Господи, кто это? Иисусъ отвѣчалъ: тотъ, кому Я, обмакнувъ кусокъ хлѣба, подамъ. И, обмакнувъ кусокъ, подалъ Иудѣ Симонову Искаріоту» (Іо. 13, 22-26). Этотъ приснопамятный рассказъ, къ которому съ трепетомъ и смущеніемъ прислушивается душа, говоритъ не только о скорбномъ сынѣ погибели, предающемъ Учителя, и не только о всемъ сонмѣ апостоловъ, безпомощно «озирающихся», но и о первоапостольской двоицѣ. Петръ не можетъ побороть своего недоумѣнія и сдержать своего нетерпѣнія. Недостаточно въ этомъ видѣть одну только неизмѣнную его и несдержанную пылкость, но и сознание своего первоапостольства, старшинства. Рѣчь идетъ не о простомъ любопытствѣ, но о важнѣйшемъ актѣ, касающемся всего апостольскаго чина, имѣющемъ значеніе для самосознанія и самоопредѣленія всей двѣнадесятерицы. И Петръ вопрошаетъ здѣсь не только отъ себя лично, но и отъ лица всѣхъ. Ему ли, первостоятелю апостоловъ, не

надлежитъ вѣдать объ апостолѣ-предателѣ, послѣ того, какъ ему были ввѣрены ключи и власть ключей, дано засвидѣтельствованное Самимъ Господомъ первенство? И, однако, онъ чувствуетъ свое безсиліе и ограниченность или относительность этого своего «примата». Онъ не можетъ и не смѣетъ спросить самъ своего Учителя. Но это можетъ и смѣетъ другой, тотъ, который возлежитъ на груди Іисуса, «его же любяще Іисусъ»: ближе него къ Нему нѣтъ апостола, и только онъ можетъ спросить Іисуса о томъ, чего нельзя не знать, что необходимо знать и старѣйшинѣ Петру, и всему апостольству. И примать авторитета склоняется передъ приматомъ любви: «ему Симонъ Петръ (именно «Симонъ Петръ», т. е. въ полномъ обладаніи своего «петровства») сдѣлалъ знакъ», и тотъ немедленно получилъ отвѣтъ. *Нельзя* видѣть въ этомъ разсказѣ только интересную подробность изъ исторіи Тайной Вечери, которая не имѣетъ дальнѣйшаго значенія въ опредѣленіи значенія апостоловъ въ судьбахъ церкви, и не можетъ остаться безъ послѣдствій тотъ фактъ, что въ самый критическій моментъ въ исторіи апостольства только одному Іоанну принадлежало первенство, — первенство любви и личной дружбы къ Господу. И уже менѣе всего могутъ проходить мимо этого факта тѣ, кто съ такимъ вниманіемъ изыскиваютъ всѣ черты евангельскаго повѣствованія, благопріятствующія или неблагопріятствующія ихъ идеѣ апостольскаго примата. По нашему мнѣнію, настоящимъ текстомъ во всей силѣ и остротѣ ставится вопросъ о взаимоотношеніи двухъ приматовъ двухъ первоапостоловъ, — примата любви и примата авторитета. И это тѣмъ болѣе, что въ самомъ

евангельскомъ разсказѣ нельзя не чувствовать молчаливаго указанія на тотъ же самый вопросъ. Развѣ же евангелистъ, имѣя передъ собой повѣствованія синоптиковъ и, въ частности, разсказъ о торжественномъ возведеніи Симона въ Петра, могъ не чувствовать, что онъ вноситъ своимъ разсказомъ нѣчто новое, ограничивающее или осложняющее это уже совершившееся посвященіе Симона въ Петра? (Интересно, въ той же 13 главѣ Петръ, не то отъ своего имени, не то, вѣрнѣе, опять отъ лица учениковъ, во время Тайной Вечери вопрошаетъ Господа: «куда Ты идешь?» и получаетъ отъ Него пророчесвенный отвѣтъ: (Іо. 13, 36-38) «Симонъ Петръ сказалъ Ему: Господи! куда Ты идешь? Іисусъ отвѣчалъ ему: куда Я иду, ты не можешь теперь идти, а послѣ пойдешь за Мною. Петръ сказалъ Ему: Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя. Іисусъ отвѣчалъ ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебѣ: не пропоешь пѣтухъ, какъ отречешься отъ Меня трижды»).

С). *У двора первосвященника Анны.* Здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ двоицей Іоаннова Евангелія, Петромъ и Іоанномъ. «И отвели Его сперва къ Аннѣ... За Іисусомъ слѣдовали Симонъ Петръ и другой ученикъ; ученикъ же сей былъ знакомъ первосвященнику и вошелъ съ Іисусомъ во дворъ первосвященнической. А Петръ стоялъ внѣ, за дверями. Потомъ другой ученикъ, который былъ знакомъ первосвященнику, вышелъ и сказалъ придверницѣ, — и ввелъ Петра (18, 15-16. Далѣе слѣдуетъ разсказъ объ отреченіи Петра). Когда Іисуса взяли, «всѣ ученики, оставивъ Его, бѣжали» (Мр. 14, 50), кромѣ

двухъ: Петра и Іоанна, каковая двоица и появляется въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Іоаннова Евангелія. Здѣсь не только деталь, извѣстная лишь участнику и очевидцу*) и объясняющая, какимъ образомъ Петръ могъ войти во дворъ архіерейскій (благодаря содѣйствию Іоанна, лично извѣстнаго первосвященнику), но вмѣстѣ съ тѣмъ, прологъ къ эпилогу Евангелія Іоаннова и приступъ къ разсказу все о той же двоицѣ во время страстей Христо-выхъ. Итакъ, вошли только два ученика. Ни изъ чего не видно, чтобы личное знакомство Іоанна съ перво-священникомъ создавало для него какую либо особливую неприкосновенность въ качествѣ ученика Христова, оно лишь давало ему возможность безпрепятственно войти во дворъ и провести съ собою соапостола. Въ дальнѣй-шемъ же такая извѣстность могла имѣть только угро-жающее значеніе, потому что относительно Іоанна не требовалось даже устанавливать его личность, какъ это вздумалось слугамъ архіерейскимъ сдѣлать относительно Петра. Іоанна и безъ того лично знали всѣ и притомъ, конечно, какъ ученика Христова, а потому положеніе его было угрожающимъ уже съ самаго перваго момента, какъ только онъ вошелъ. Напротивъ, Петръ сначала предполагалъ сохранить инкогнито, а потому и впалъ въ такое смущеніе, когда случайно и пока безобидно

*) Подобную же деталь, относящуюся къ самому еван-гелисту, имѣемъ мы въ Евангеліи Марка: «Одинъ юноша, завернувшись по нагому тѣлу въ покрывало, слѣдовалъ за нимъ; и воины схватили его. Но онъ, оставивъ покрывало, нагой убѣжалъ отъ нихъ» (Мр. 14, 51-1). Такимъ образомъ, не было безопасно даже и простое слѣдованіе, какъ это явствуется изъ задержанія юноши, спасагося бѣгствомъ.

среди слугъ возникъ вопросъ объ установленіи его личности. Въ Евангельскомъ разсказѣ (у всѣхъ четырехъ евангелистовъ) нѣтъ указаній на то, чтобы это установление личности сразу же грозило Петру какими нибудь непосредственными послѣдствіями (заслуживаетъ вообще вниманія, что въ это время никто изъ послѣдователей Христа, какъ скрывавшихся, такъ и не скрывавшихся, не пострадалъ, да это, очевидно, еще и не входило въ планы синедріона.*) Господь предрекъ Петру скорое (т. е. еще до истеченія ночи прежде, нежели трижды, или дважды, пропоютъ пѣтухи) троекратное отреченіе отъ Него, вслѣдствіе какого то рокового испуга, съ которымъ онъ не могъ совладѣть. Напротивъ, Іоаннъ, очевидно, свободный отъ страха, присутствуетъ при судѣ надъ Господомъ, слѣдуя за Нимъ отъ одного мѣста въ другое

*) Однако, когда синедріонъ счелъ это нужнымъ, личныя связи Іоанна нисколько не воспрепятствовали его привлеченію къ судебной отвѣтственности, причемъ въ роли судей фигурировали все тѣ же Анна и Каіафа и «прочіе изъ рода первосвященническаго». Это было послѣ проповѣди въ храмѣ въ связи съ чудомъ исцѣленія хромого, когда двоица Петръ и Іоаннъ были взяты подъ стражу и поставлены предъ судъ синедріона: Д. А. 4, 12, (причемъ «узнавали ихъ, что они были съ Іисусомъ» 4, 1, 21). Правда, на этотъ разъ дѣло окончилось для нихъ благополучно, но лишь потому, что не нашли «возможности наказать ихъ по причинѣ народа», а отнюдь не по отсутствію къ тому желанія. Этотъ случай съ очевидностью подтверждаетъ, что, присутствуя на дворѣ первосвященника и далѣе у Пилата и на Голгоѣ, Іоаннъ подвергался вполне реальной опасности, вовсе не находясь въ особо привилегированномъ положеніи, благодаря знакомству съ первосвященникомъ. Что слѣдованіе за Христомъ въ это время вполне могло сопровождаться случайнымъ и неожиданнымъ арестомъ, явствуетъ изъ Мр. 14, 51-2.

(ср. характерныя детали очевидца: «отъ Каіафы повели Иисуса въ преторію. Было утро», Іо. 18, 28, подробности разсказа о судѣ Пилата, отсутствующія у синоптиковъ, какъ то: «что есть истина?», «се человекъ», «тогда была пятница и часъ третій» и т. д.) вплоть до Голгоѳы. Несомнѣнно, присутствіе у мѣста казни, среди разсвирѣпѣвшихъ іудеевъ и жестокихъ воиновъ, для близкихъ и послѣдователей казнимаго было въ высшей степени опасно, и не даромъ, кромѣ нѣсколькихъ преданныхъ и самоотверженныхъ женщинъ — и въ числѣ ихъ двухъ матерей: Матери Господа и матери самого Іоанна («сестра Матери его»), изъ учениковъ у креста былъ только одинъ Іоаннъ. Итакъ, двоица учениковъ, вошедшихъ во дворъ первосвященника, разорвалась: одинъ «исшедъ вонъ плакася горько», другой послѣдовалъ и на Голгоѳу за Учителемъ. И тѣмъ не менѣе *тема* разсказа Евангелія Іоанна остается о *двоицѣ*: о двухъ первоапостолахъ въ часы страданій Христовыхъ.

ІХ.

D). *У Креста*. «Иисусъ, увидѣвъ Матерь и ученика, тутъ стоящаго, котораго любилъ, говоритъ Матери Своей: Жено, се сынъ Твой. Потомъ говоритъ ученику: се Матерь твоя! И отъ того часа взялъ Ее ученикъ къ себѣ (*εἰς τὰ ἴδια* — во свояси) (Іо. 19, 26-27). Прежде чѣмъ говорить о содержаніи текста, устранимъ нѣкоторыя возможныя недоразумѣнія. Едва ли найдутся такіе, которые станутъ разсматривать этотъ текстъ исключи-

тельно какъ *личное* обращеніе, завѣщательное распоряженіе умирающаго относительно своихъ личныхъ дѣлъ. Помимо общихъ соображеній, противъ такой возможности достаточно говоритъ самый текстъ. У креста стояли вмѣстѣ съ Маріей нѣсколько преданныхъ женщинъ, въ томъ числѣ и мать Іоанна, стало быть, было кому позаботиться о приютѣ для Скорбящей Богоматери, если бы онъ былъ нуженъ, хотя и на это нѣтъ никакихъ указаній. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же измѣнялось внѣшнее, если позволено здѣсь такъ выразиться, матеріальное положеніе Маріи послѣ смерти Сына? Развѣ Онъ, всегда переходя по градамъ и вѣсямъ въ проповѣди Царствія Божія и не имѣя гдѣ главу преклонить, жилъ вмѣстѣ съ Матерью, однимъ, такъ сказать, хозяйствомъ? Мы знаемъ, что этого не было: человѣческая любовь къ Матери какъ и Материнская любовь къ Сыну были принесены въ жертву служенію Богу, какъ это совершенно ясно видно изъ одного случая, рассказаннаго у всѣхъ синоптиковъ (Мѡ. 22, 46-50, Мр. 3, 31-5, Лк. 8, 19-21): о томъ, какъ пришли видѣться съ Нимъ, Мать и братья Его, а Онъ отвѣтилъ: «вотъ Мать Моя и братья Мои», давъ понять, что Его личные чувства принесены Имъ въ жертву Своему служенію.

Слѣдуетъ также обратить вниманіе и на то обращеніе къ Матери: Жено — *γύναι*. Это обращеніе*) напраши-

*) У синоптиковъ ср. обращеніе къ женѣ Хананейской, скорѣе въ смыслѣ просто ж е н щ и н а: о, жено! *ὦ γύναι!* (въ р. пер.: о, женщина!) велика вѣра твоя» (Мѡ. 15,28). Подобное же значеніе имѣетъ и у Іоанна 20, 13: ангелы говорятъ ей (Маріи Магдалинѣ: жено (*γύναι*) что пла-

вается на сопоставленіе съ тѣмъ, которое было предъ совершеніемъ чуда въ Канѣ Галилейской: «глагола Ей Иисусъ, что есть Мнѣ и Тебѣ, Жено? Не у прииде часъ Мой» (Іо. 2, 4), причемъ Матерь вполнѣ поняла этотъ отвѣтъ, ибо, не взирая на его форму, сказала служителямъ: «что Онъ скажетъ вамъ, то и сдѣлайте». Это торжественное *жено* въ отвѣтъ «Матери», свидѣтельствующее объ особой значительности происходящаго, сказано передъ совершеніемъ чуда, прообразующаго св. Евхаристію, оно же было и «началомъ чудесъ», которымъ Онъ «явилъ славу Свою». И нынѣ, передъ *совершишася*, передъ самымъ принесеніемъ міровой умиловительной Жертвы, повторяется это *жено*: рѣчь идетъ не о личной Матери Иисуса, но и о матери всего новаго Адама, о новой Евѣ, о Матери всего человѣческаго рода. Это та *Жена*, о которой было сказано въ раю змію: «вражду положу между тобою и между Женою, между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ Ея» (Быт. 3, 15). Однимъ словомъ, *жено* есть обращеніе не къ «матери Иисуса», но къ *Богоматери*. Здѣсь надлежитъ произвести тотъ историческій комментарий къ этому тексту, который вытекаетъ *изъ времени* написанія Іоаннова Евангелія именно послѣ Успенія Божіей Матери и преславнаго Ея восхожденія отъ земли на небо. Если во времена синоптиковъ еще могла оставаться нѣкоторая недовыясненность въ почитаніи «матери Иисуса», какъ Богоматери, то послѣ того, какъ апостолы

чешися» и далѣе: глагола ей Иисусъ: жено, что плачешь? кого ищешь?». (Іо. 20, 15). За безличнымъ обращеніемъ *жено!* слѣдуетъ совершенно личный призывъ по имени: *Мар!*

чудесно явились свидѣтелями Ея прославленія, никакое колебаніе не было уже возможно, и для апостоловъ догматъ о Богоматери былъ уже раскрытъ. И когда Іоаннь говоритъ о «Матери Іисуса», о сей дивной *Женѣ*, то онъ говоритъ о *Госпожѣ Богородицѣ, небесе и земли Царицѣ*. А посему прямой и единственно возможный смыслъ этихъ словъ *со Креста*; т. е. произнесенныхъ въ моментъ величайшаго напряженія въ жизни всего міра, въ обстановкѣ, исполненной исключительной торжественности и неизмѣримой значительности («и когда Я вознесенъ буду на крестъ, всѣхъ привлеку къ Себѣ» Іо. 12, 32), со Креста Господь усыновляетъ возлюбленнаго ученика Царицѣ Небесной, а въ лицѣ его усыновляетъ Ей весь апостольскій ликъ и весь человѣческій родъ, всыновляетъ Ей сыновъ человѣческихъ. Если бы умѣстно было гдѣ нибудь и когда нибудь примѣнить злополучное измышленіе римскаго средневѣковаго богословія, которое и до сихъ поръ затуманиваетъ сознаніе сыновъ западной церкви*), — идею вице-Христа, *vicarius Christi*, то

*) Для примѣра см. P h i l l i p s. Das Kirchenrecht. I. Regensburg. 1845: so lange der Heiland selbst auf Erden wandelte, konnte freilich jeder selbst zu Ihm gehen, Er selbst vereinte alle zur Einheit. Doch nachdem Er von dieser Erde geschieden, musste Einer an seiner Stelle da sein, um den die Apostel, wie die andern Glieder der Kirche sich sammelten, einigten und scharten und an den sie, als von Christus gesetzt, so fest, wie an Christus um Christ willen sich hielten, seiner Leitung, wie der Leitung Christi sich unterordneten, seiner Lehre als der Lehre Christi folgten. Dies Organ, durch welches Christus die Kirche leitet, durch welches Christus zur Kirche spricht, ist Petrus (70 стр. к. м.). Развитие этого своеобразнаго каноническаго хлыстовства («христовства») дается въ цѣлой системѣ церковнаго права. Но

она напрашивалась бы скорѣе всего именно здѣсь, нежели тамъ, гдѣ она обычно примѣняется теперь. Но да не будетъ! Викарія, какъ преемника и замѣстителя, можетъ имѣть апостоль Петръ, какъ и все апостольство (и, дѣйствительно, оно имѣетъ ихъ въ епископатѣ), но не Тотъ, Кто призывалъ и посылалъ апостоловъ, отнюдь не дѣлая ихъ черезъ это Своими викаріями. И нынѣ не викарія, не вице-сына ввѣрилъ Онъ Матери Своей, но въ лицѣ Іоанна все апостольство и все человѣчество воцерковилъ, усыновилъ Онъ Матери Своей, кровію Своею купивъ это усыновленіе, содѣлавъ братію Свою по Матери, сыновъ человѣческихъ, сынами Божиими, чадами Отца Небеснаго. Здѣсь тайна искупленія. Отсюда, изъ этой точки, радіусами расходятся лучи богословія.

И слово Слова не могло не исполниться: *отъ того часа поятъ ю ученикъ той во своя си*. Осуществилось нѣкое таинственное и великое избраніе возлюбленнаго ученика; и торжественное его посвященіе въ первоапостола Христова, блюстителя Приснодѣвы. Оно совершилось въ присутствіи сохранившихъ вѣрность до конца, немногихъ преданныхъ женщинъ. И тайна этого посвященія оставалась невѣдомой міру (нѣтъ его и у синоптиковъ). Ее могъ огласить только самъ посвященный, Евангелистъ Іоаннъ, когда пришло тому время, т. е. когда раскрылся не возбранено ли всяческое (не только мистическое, но и каноническое) хлыстовство. Тѣмъ, Кто всѣхъ предварялъ напередъ: «тогда если кто вамъ скажетъ: «вотъ здѣсь Христосъ» или «вотъ тамъ» — не вѣрьте (Мр. 13, 21). «Если скажутъ вамъ: «вотъ Онъ въ пустынѣ», не выходите; «вотъ Онъ въ потаенныхъ комнатахъ, не вѣрьте» (Мѡ. 24, 26)? Ср. также Лк. 17, 22-23.

весь смыслъ происшедшаго, послѣ Успенія Богоматери и Ея прославленія. Евангелистъ поименовалъ и свидѣтелей этого событія, впрочемъ, въ то время, конечно, уже не бывшихъ въ живыхъ. Согласно единогласному церковному преданію, единственный среди всѣхъ апостоловъ, Іоаннъ былъ дѣвственникомъ, коему и было ввѣрено блюсти Приснодѣву, какъ это умилительно изображается въ посвященныхъ ему пѣсняхъ церковныхъ.*)

Чѣмъ была Марія для церкви апостольской? Объ этомъ почти не находимъ указаній въ Д. Ап.: въ безмѣрномъ смиреніи Своемъ Она остается даже еще въ болѣе глубокой тѣни, чѣмъ въ Евангеліяхъ. Не говорится о томъ, что Ей прежде всѣхъ явился Воскресшій, какъ не говорится, что Она была и на горѣ Вознесенія. Ея имя упоминается только въ числѣ единодушно пребывающихъ въ горницѣ Сіонской послѣ Вознесенія (Д. Ап. 1, 14). Ничего не говорится объ Ея славномъ Успеніи, о чудесномъ прибытіи св. апостоловъ къ погребальному ложу (причемъ въ числѣ ихъ церковная пѣснь особо

*) Изъ службы 26-го сентября, на мал. веч. стихиры на Гос. воззв.: «Радуйся, Богослове истинне, радуйся, Матери Господни сыне возлюбленне: ты бо, предстоя при крестѣ Христовѣ, божественный слышалъ еси гласъ Владыки: се нынѣ Мати твоя, къ тебѣ возопившаго. Отонудуже достойно тя вси, яко апостола Христова великаго и возлюбленнаго, ублажаемъ». На литіи стихиры (Андрея Пирра):

«Учениче Спасовъ, дѣвственниче и богослове,
Тебѣ, яко дѣвственнику, Дѣву и Богородицу,
Христось Богъ распинаемъ предаде,
И сію сохранилъ еси яко зѣницу ока,
Тѣмъ моли спастися душамъ нашимъ».

выдѣляетъ ап. Петра*) съ Іаковомъ и Іоанномъ). Это отсутствіе письменныхъ свѣдѣній обычно является смущающимъ, особенно предъ лицомъ факта того почитанія Богоматери, которое является одинаково существеннымъ и неотъемлемымъ для всего церковнаго міра (какъ въ восточной такъ и въ западной его половинахъ). Однако, эти соблазны маловѣрныхъ безсильны для вѣрующихъ и чтущихъ Матерь Божію, и на основаніи того опытнаго вѣдѣнія, какое мы имѣемъ о Ней нынѣ, становится непреложнымъ и то значеніе, которое Она имѣла и для Церкви апостольской. Она, — а не кто либо изъ апостоловъ, не Петръ и не Іоаннъ, — была живымъ сердцемъ Церкви, ея средоточіемъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшимъ и непреложнымъ авторитетомъ. Личный авторитетъ Бо-

*) Изъ службы 15-го Августа. На литіи стихиры самогласны: «Подобаше самовидцемъ Слова и слугамъ, и еже по плоти Матере Его успенія видѣти, конечное елико о ней таинство: яко да не токмо еже отъ земли Спасово восхожденіе узрять, но и Рожденія Его преставленію свидѣтельству ютъ. Тѣмже отвсюду божественною силою собравшеся, Сіона достигоша и на небо идущую предсылаху, высшую Херувимъ»... На стихов. стих. самсгл.: «Егда изшла еси, Богородице Дѣво, ко изъ Тебе рождшемуся неизрѣченно, бѣше Іаковъ, братъ Божій и первый священноначальникъ, Петръ же честнѣйшій верховникъ, богослововъ начальникъ, и весь божественный апостольскій ликъ, превыше же пресвята и старѣйшія ангельскія силы, чудеси дивящеся, приникше другъ къ другу»... По 50 пс. стих. Византіево: «Егда представленія пречистаго Твоего тѣла готовляшеся, тогда апостоли, обстояще одръ, съ трепетомъ зряху Тя: и ови убо, взирающе на тѣло, ужасомъ одержими бяху, Петръ же со слезами вопіяши Ти: о, Дѣво, вижду Тя ясно простерту просту, живота всѣхъ, и удивляюся, въ ней же вселися будущія жизни наслажденіе. Но, о Пречистая, молися прилежно Сыну и Богу Твоему, спастися стаду Твоему невредиму».

гоматери среди апостоловъ былъ выше всякаго сравненія, а послѣ Ея Успенія онъ, конечно, сталъ еще очевиднѣе, какъ очевидно и то, что Богоматерь, пребывающая на небеси, есть уже осуществленная цѣль мірозданія, прославленное твореніе, увѣнчанная Церковь. И апостоль Іоаннъ, названный Ея сынъ, тѣмъ самымъ получаетъ первенство среди апостоловъ. Посему, если можно говорить объ установленіи первенства Петрова послѣ его исповѣданія, то съ такимъ же основаніемъ можно говорить и объ установленіи первенства Іоаннова среди другихъ апостоловъ на Голгоѣ. Событіе у Креста съ Іоанномъ есть полная аналогія съ событіемъ на пути въ Кесарію Филиппову съ Петромъ, иначе говоря, *два первенства установлены самимъ Христомъ: Петрово и Іоанново.* Дѣло богословія понять до конца и извлечь всѣ выводы изъ этого факта, здѣсь требуется установить лишь самый фактъ.

Единственный изъ апостоловъ, стоявшій у креста, явился и свидѣтелемъ совершившейся міровой Евхаристіи, своими ушами онъ слышалъ: *совершишася* (Іо. 19, 30), онъ одинъ только изъ всѣхъ повѣдалъ міру о семъ, какъ *«свидѣтель»*, къ чему и призваны апостолы быть свидѣтелями о Христѣ. И въ этомъ, какъ очевидецъ и свидѣтель Голгоѣы, онъ также есть первоапостоль. Въ частности онъ есть свидѣтель того таинственнаго истеченія изъ прободеннаго ребра крови и воды, по древнему преданію собранныхъ Іосифомъ Аримаѣейскимъ въ чашу, (откуда идутъ западныя легенды о св. Граалѣ). И видѣнное имъ нарочито подтверждается, какъ апостольское свидѣтельство его: «единъ отъ воинъ копіемъ ребра его

прободе, и абіе изыде кровь и вода. И видѣвый свидѣтельствова и истинно есть свидѣтельство его» (Іо. 19, 34-35). (Слова эти всегда произносятся на проскомидіи при вліяніи въ чашу св. соединенія).

Х.

Г). *Шествіе ко гробу*. Прошли страшные часы Голгоѣы, которые оставили Іоанна одного у креста. Апостолы снова соединяются, и первое же упоминаніе объ Іоаннѣ опять совокупляетъ его съ Петромъ, возвращается тема *двоицы* Петра и Іоанна. Именно описывается ихъ шествіе ко гробу. Разсказъ объ этомъ отсутствуетъ у другихъ евангелистовъ (ср. Лк. 24, 12). Марія Магдалина бѣжитъ и приходитъ къ Симону Петру и другому ученику, котораго любилъ Іисусъ. (Замѣчательно, что *любилъ* здѣсь *ἐφίλει*, вмѣсто прежняго *ἠγάπη*. Первое, какъ мы знаемъ изъ разсказа о троекратномъ вопрошаніи Петра, указываетъ на большую личную дружбу, чѣмъ второе, и здѣсь послѣ вѣрности, проявленной у креста, Іоаннъ, какъ бы нарочито удостоивается званія друга Іисусова). «И говоритъ имъ: унесли Господа изъ гроба и не знаемъ, гдѣ положили Его. Тотчасъ вышелъ Петръ и другой ученикъ и пошли ко гробу. Они побѣжали оба вмѣстѣ; но другой ученикъ бѣжалъ скорѣе Петра и пришелъ ко гробу *первый*. И, наклонившись, увидѣлъ лежащія пелены; но не вошелъ (въ гробъ). Вслѣдъ за нимъ приходитъ Симонъ Петръ и входитъ во гробъ, и видитъ однѣ пелены лежащія, и платъ... Тогда вошелъ и другой ученикъ, *прежде при-*

шедшій ко гробу, и увидѣлъ, и увѣровалъ. Они, вѣдь, не знали еще изъ Писанія, что Ему надлежало воскреснуть изъ мертвыхъ. Итакъ ученики опять возвратились къ себѣ». (Іо. 20, 2-10).

Итакъ, двоица Петръ и Іоаннъ, послѣ сообщенія Магдалины, идутъ ко гробу, причемъ дважды отмѣчено, какъ обстоятельство, очевидно, не безразличное, (а, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстное только очевидцу), что Іоаннъ пришелъ первымъ, ибо «бѣжалъ скорѣе» Петра, но почему то не вошелъ. Петръ же, теперь освободившись отъ своего страха, проявляетъ обычную свою импульсивность и входитъ первымъ во гробъ, и лишь за нимъ Іоаннъ. Но что поразительно: *увѣровалъ* только Іоаннъ. Даже первенство въ утвержденіи вѣры, которое явлено было Петромъ и дало ему обѣтованіе о «камнѣ», здѣсь переходитъ къ Іоанну.*) Въ этомъ надо видѣть новую черту въ сказаніи о первоапостолахъ, противорѣчащую

*) Любопытно, что d'Herbigny (1, 219), приводя текстъ Іо. 20, 2-8, прерываетъ его многоточіемъ какъ разъ п е р е дъ словами объ Іоаннѣ: «и видѣ, и вѣрова». И, такимъ образомъ, получается новое свидѣтельство въ пользу общепризнаннаго первенства Петра: Ipse ergo discipulus dilectior priores dat partes Petro (ср. столь же тенденціозное толкованіе Боссюэта ib. прим.: c'est lui aussi a qui Saint Jean reserve l'honneur d'entrer le premier dans le tombeau, ou il n'etait arrive que le second, afin qu'il fut le premier temoin des marques de la resurrection (остается удивляться, что Іоаннъ рѣшился даже придти ко гробу р а н ѣ е Петра, а не выждалъ его прибытія). Des lors il est marqué que Saint Jean vit ces marques et qu'il crut. Mais on ne celebre avec distinction parmi les disciples que la foi de Pierre et non pas celle de Jean (Іо. 21, 3, 7, 1).. Эта ссылка, какъ легко убѣдиться всякому, не имѣетъ никакого отношенія къ прославленію вѣры Петра (какъ будто ф а к т ъ вѣры имѣетъ меньше значенія, нежели ея прославленіе).

или, по крайней мѣрѣ, ограничивающую первенство Петра. Апостолы передъ пустымъ гробомъ, въ которомъ оставались, однако, пелены и сударь, были подвергнуты новому испытанію вѣры, и ужъ если когда либо, то именно теперь, казалось бы естественно ожидать торжественнаго исповѣданія вѣры въ Воскресшаго. И, однако, исповѣданія не послѣдовало, какъ не послѣдовало и самой вѣры («ибо они не знали еще отъ Писанія, что Ему надлежало воскреснуть»), смущеніе, которое навѣвалось всей обстановкой около гроба (вспомнимъ, что даже и Магдалина говоритъ невѣдомому Садовнику: «если ты взялъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его»), осталось не разрѣшеннымъ. А возлюбленный ученикъ, единственно увѣровавшій, соблюлъ, очевидно, свою вѣру въ сердцѣ своемъ, какъ это было свойственно его созерцательной, болѣе замкнутой въ себѣ натурѣ.

Г). *Рыбная ловля.* (эпилогъ Евангелія Іоанна). Этотъ эпилогъ всецѣло посвященъ темѣ двоицы Петра и Іоанна. Онъ состоитъ изъ двухъ частей: описанія рыбной ловли и бесѣды Господа съ Петромъ. Въ описаніи рыбной ловли мы наблюдаемъ ту же тонкую молчаливую параллель двухъ учениковъ. Когда утромъ на берегу показался Іисусъ, и обнаружился чудесный уловъ, «тогда ученикъ, котораго любилъ Іисусъ, говоритъ Петру: это — Господь. Симонъ же Петръ, *услышавъ, что это Господь*, опоясался одеждой и бросился въ море», (Іо. 7). Итакъ, *узнаетъ* Господа Іоаннъ и сообщаетъ объ этомъ Петру, и для послѣдняго до такой степени несомнѣнно свидѣтельство Іоанна (говорится прямо и безъ всякихъ оговорокъ: *услышавъ, что это Господь*), что онъ, вѣрный своему

темпераменту, бросается въ море на встрѣчу Господу. Ясновидѣніе любви и вѣры, преимущество вѣдѣнія и здѣсь остается за Іоанномъ, который, однако, пребываетъ сопряженнымъ съ Петромъ нѣкимъ таинственнымъ союзомъ. И это двуединство получаетъ новое, притомъ торжественное и окончательное раскрытіе въ бесѣдѣ во время обѣда, къ которой мы теперь и перейдемъ.

Извѣстно, что «старецъ» Іоаннъ, пережившій *всѣхъ* апостоловъ и въ томъ числѣ самого Петра, пользовался совершенно исключительнымъ авторитетомъ во всей восточной церкви. Могло-ли быть иначе? Возлюбленный ученикъ Христовъ, сынъ Маріи по божественному усыновленію, мученикъ въ Римѣ, который остался въ живыхъ только чудеснымъ образомъ, Патмосскій тайнозритель и Евангелистъ, онъ былъ, дѣйствительно, какъ бы намѣстникомъ Христовымъ, авторитетъ котораго не шелъ, разумѣется, ни въ какое сравненіе съ епископами римскими. И притомъ, существовало вѣрованіе, что онъ не вкуситъ смерти до второго пришествія Христова, согласно прямому Его обѣтованію. Это неизбежно, порождало въ современникахъ рядъ недоумѣній, которыя заострялись все въ томъ же вопросѣ о первенствѣ среди апостоловъ, т. е. о двоицѣ, объ отношеніи Петра и Іоанна. Господь Петра при жизни его поставилъ княземъ апостольскимъ, вручивъ ему ключи, однако, Петра уже нѣтъ, а Іоаннъ пребываетъ и пребудетъ до конца дней. Ученіе о томъ, что Петръ продолжаетъ свое бытіе въ своихъ преемникахъ — римскихъ епископахъ въ то время явно еще отсутствуетъ, да въ противномъ случаѣ еще болѣе остро возникалъ бы вопросъ: неужели преемники

Петра на римской кафедрѣ, могутъ оказаться іерархически выше самого возлюбленнаго ученика Христова? *). На эти то вопросы и является отвѣтомъ эпилогъ Евангелія Іоанна, въ самомъ Евангеліи представляющій собою какъ бы приложение (или *post scriptum*). Какъ извѣстно, Евангеліе заканчивается уже 20, 31, и затѣмъ, какъ бы за особой подписью, — Іо. 21, 24, прибавляется эпилогъ, вся 21 глава, содержащій рассказъ о рыбной ловлѣ.

Въ отношеніи къ сомнѣвающимся о Петрѣ и склоннымъ умалять его авторитетъ предъ Іоанновымъ здѣсь твердо и рѣшительно *возстанавливается* этотъ авторитетъ въ уже разобранный рассказъ о троекратномъ вопрошаніи: смущающему впечатлѣнію отъ троекратнаго отреченія Петра, которое такъ и остается нисколько не изглаженнымъ у синоптическихъ евангелистовъ, (а изустное преданіе, вѣроятно, восполнявшее этотъ пробѣлъ, могло уже погаснуть), здѣсь противопоставляется торжественное *возстановленіе* Петра въ первоапостольствѣ.

«Старець» Іоаннъ возстановляетъ на всѣ времена авторитетъ своего со-апостола. И даже, мало того, онъ возвеличиваетъ его мученическую кончину, свидѣтельствуя, что она именно предуказана была Господомъ, какъ знакъ особаго избранія: «коею смертью прославить Бога» (Іо. 21, 18-19). Можетъ быть, и здѣсь имѣется въ виду успокоить недоумѣніе иныхъ неумѣренныхъ ревнителей, которые могли соблазниться смертью первоапо-

*) Іерусалимскій патріархъ Нектарій (о власти папы 1682 г.) между прочимъ писалъ, что «если бы папа былъ главою церкви, то первые римскіе епископы были бы главами еще живыхъ апостоловъ, напр. Іоанна».

стола, призваннаго быть камнемъ Церкви, казалось бы, на всѣ времена и, однако, послѣдовавшаго общему удѣлу, между тѣмъ, какъ надъ старцемъ Іоанномъ оказалась безсильна рука самихъ палачей и онъ чудеснымъ образомъ не вкусилъ смерти. Тонъ повѣствованія и особенная подчеркнутость того момента, что смерть Петра послѣдовала по прямому соизволенію Господа, даютъ почву для такого пониманія. Итакъ, въ первый своей части (Іо. 21, 15-19) рассказъ этотъ есть совершенно определенная *апологія* Петрова авторитета, заканчивающаяся полнѣйшимъ его возстановленіемъ въ первоапостольствѣ: «и, сказавъ сіе, говоритъ ему: *иди за мной*» (Іо. 21, 19). Въ этихъ словахъ даже болѣе рѣшительно и обобщающе чѣмъ въ троекратномъ вопрошаніи (на которое обычно обращается преимущественное вниманіе), выражено это возстановленіе его въ апостольствѣ, а, стало быть, и первоапостольствѣ (каковыя въ Петрѣ нераздѣльно слиты между собою). Однако, за этимъ тотчасъ же слѣдуетъ и часть вторая, въ которой рѣчь идетъ уже объ отношеніи двоицы первоапостоловъ Петра и Іоанна или же о границахъ области Петровой. Здѣсь содержится отвѣтъ на волнующій умы вопросъ: неужели же подвластенъ кому-либо, даже самому Петру, а, тѣмъ болѣе, его преемникамъ — на римской, или антїохійской, или александрійской кафедрѣ, — возлюбленный ученикъ Христовъ, «старецъ» Іоаннъ? Вслушаемся снова въ слова самого текста: «Петръ же, обратившись, видитъ идущаго за нимъ ученика, котораго любилъ Іисусъ и который на вечерахъ, прислонившись къ груди Его, сказалъ: *Господи! кто предастъ Тебя?*» Его увидѣвъ. Петръ говоритъ Іисусу:

Господи! а онъ что?» (Іо. 21, 20-21). Подчеркнутыя слова, въ которыхъ содержится это пространное установленіе личности ученика, не является просто длиннотою или плеоназмомъ, вообще говоря, не необычнымъ у четвертаго евангелиста, въ нихъ выражается мотивъ самого этого сообщенія, или же молчаливый, но настойчивый вопросъ, здѣсь подразумеваемый. Въ данномъ случаѣ умѣстенъ такой перифразъ: Господи! вѣдь это ученикъ, котораго Ты любишь, которому принадлежало въ ту незабвенную ночь и мѣсто рядомъ съ Тобою, «на персяхъ Твоихъ», вѣдь, онъ одинъ только могъ дерзнуть, по просьбѣ этого самого Петра, спросить Тебя о предателѣ, и вотъ объ этомъ самомъ возлюбленномъ ученикѣ Петръ спрашиваетъ теперь, не то изъ дружественнаго любопытства, просто обрадовавшись своему прощенію и восстановленію и тотчасъ же отдаваясь обычной своей, не всегда умѣющей соблюдать мѣру, экспансивности, а можетъ быть и опираясь на это свое старѣйшинство среди апостоловъ, которому надо знать все, касающееся апостоловъ, въ частности ранѣе относительно апостола Іуды, а теперь даже и возлюбленнаго ученика: подвластенъ ли ему, подлежитъ ли его «попеченію» этотъ ученикъ? Вотъ вопросъ, который неслышно раздается, шепотомъ произносится — не въ текстѣ, но *надъ* текстомъ разбираемаго разсказа, и прямымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ являются дальнѣйшія слова Господа, и притомъ отвѣтомъ, надо это прямо и рѣшительно сказать, *отрицательнымъ*. «Іисусъ говоритъ ему: если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока прииду, *что тебѣ до того? τί πρός σε; ты* по Мнѣ гряди. И пронеслось слово сіе между братія-

ми, что ученикъ сей не умретъ. Но Іисусъ не сказалъ ему, что не умретъ, но: если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока прииду, что тебѣ (до того)? (Іо. 21, 21-23). Это прямая ссылка на слово, уже пронесшееся между братіями, подтверждаетъ ту мысль, что евангелистъ отвѣчаетъ здѣсь на вопросы послѣапостольскаго вѣка, и это второе, какъ будто ненужное и совершенно дословное повтореніе отвѣта, даннаго Петру, означаетъ его особую важность, своеобразно подчеркиваетъ его значительность. Что же содержитъ этотъ отвѣтъ? Онъ гласитъ: какова бы ни была судьба Іоанна, Петру *нѣтъ до нея дѣла*, — Іоаннъ Петру не подвластенъ: *что къ тебѣ?* Достаточно съ тебя заботы о себѣ самомъ: *ты по мнѣ гряди*. Въ приматѣ Іоанна *граница* примата Петрова: не одинъ, но два примата, два первоапостола, или, вѣрнѣе, это — одинъ приматъ, но двуединый, сложный. Свою малоазійскую паству Іоаннъ успокаиваетъ въ ея опасеніяхъ. Господь Самъ оградилъ его область, не допустивъ посягнуть на нее даже первоапостолу Петру. (Въ качествѣ доказательства отъ противнаго, предположимъ, что отсутствовали бы только эти три слова: *что къ тебѣ?* Какую бы новую точку опоры получили бы здѣсь для себѣ ревнители единого примата Петрова, которые съ полнымъ правомъ заключили бы, что князь апостоловъ «всеобщее попеченіе» свое, какъ *episcopus universalis*, явнымъ образомъ распространяетъ и на любимаго ученика и въ этомъ находить поддержку Спасителя, ибо Онъ отвѣчаетъ ему на вопросъ, внушенный этою отеческой попечительностью. Однако, этого не случилось, и вопросъ не то любопытства, не то «попеченія» — остался безъ отвѣта).

Однако, въ отношеніи къ компетенціи Петра вопросъ былъ разрѣшенъ уже тѣмъ, что оставленъ открытымъ относительно Іоанна, о которомъ хотя прямо и не говорится, что ученикъ тотъ не вкуситъ смерти, но во всякомъ случаѣ не сказано и того, что онъ ее вкуситъ. Притомъ написано это было много спустя послѣ того, какъ Петръ мученической кончиной своей прославилъ Бога. И божественныя слова: *что къ тебѣ* уже осуществились самымъ дѣломъ, — тѣмъ, что Іоаннъ пережилъ Петра. Очевидно, при *такомъ* положеніи вопроса, какая же можетъ быть рѣчь, такъ сказать, о ликвидаціи земного дѣла Іоанна, или о подчиненіи его преемникамъ Петра? Если тамъ, на западѣ, утверждается, что самъ Петръ живетъ и дѣйствуетъ въ своихъ преемникахъ, римскихъ епископахъ, то здѣсь, на востокѣ, возлюбленный ученикъ еще не умиралъ, а если Господу будетъ угодно, то и не умретъ до второго пришествія, здѣсь пребываетъ самъ Іоаннъ Богословъ. Живетъ ли? Этотъ вопросъ, какъ для Петра, такъ и для читателей Евангелія Іоанна, остается какъ нѣкая священная тайна объ Іоаннѣ и объ его, Іоанновой, церкви.

Временами, уже не однократно, въ исторіи церкви, — возвращается онъ съ новою силою и какъ будто возвращается и теперь въ наше смутное и чреватое новыми творческими возможностями время. Но развѣ не достаточно отвѣтила уже на этотъ вопросъ церковная исторія, включившая въ свои анналы кончину Іоанна Богослова? Развѣ не отвѣтила церковь, празнующая 26-е Сентября честное преставленіе Іоанна Богослова? Да, отвѣтила исторія, но ея отвѣтъ только усугубляетъ тайну. Древнее

преданіе, идущее къ намъ о кончинѣ Іоанна Богослова, таинственно гласитъ, что, когда приблизилась сія кончина, онъ повелѣлъ вырыть для себя могилу и туда легъ, — со словами: прими меня, земле сырая! А затѣмъ не оказалось въ ней его тѣла. И не менѣе таинственнымъ является отвѣтъ церкви, которая, съ одной стороны творитъ память его, но въ то же время такими словами ублажаетъ эту кончину: *«Апостоловъ верхъ, богословія трубу, духовнаго воеводу, вселенную Богу покорившаго, приидите, вѣрніи, ублажимъ Іоанна приснопамятнаго, отъ земли преселяющагося и отъ земли не отступающаго, но живуща и ждуща страшное второе пришествіе: еже неосужденно срѣсти намъ испроси, любимиче, таинниче, Христовъ наперстниче, любовію совершающимъ память твою»*. (стихиры на мал. веч. на Гос. воззв., слава, самогласенъ).

Намъ надо еще остановить вниманіе на *двоицѣ* Петра и Іоанна, насколько мы можемъ видѣть ее послѣ Вознесенія Христова и Пятидесятницы. Упомянутое о ней встрѣчается лишь въ трехъ случаяхъ въ Д. А., однако, эти случаи очень важны. Первый случай есть исцѣленіе хромого, первое апостольское чудо послѣ Пятидесятницы. Д. А. 31-4: *«Петръ и Іоаннъ шли вмѣстѣ въ храмъ въ часъ молитвы девятый... (Хромой), увидѣвъ Петра и Іоанна предъ входомъ въ храмъ, просилъ милостыни. Петръ же, всмотрѣвшись въ него съ Іоанномъ (σὺν τῷ Ἰωάννῃ) сказалъ: взгляни на насъ»*. Замѣчательно, что здѣсь они дѣйствуютъ и выступаютъ, какъ двоица, но отъ лица двухъ говоритъ Петръ, который непосредственно осуществляетъ и самое чудо исцѣленія,

уже предсовершенное повелительнымъ взглядомъ двоицы (3, 5-8), причемъ и исцѣленный самъ относитъ это чудо не къ совершившему его непосредственно Петру, но къ двоицѣ:*) «и какъ исцѣленный хромою не отходилъ отъ Петра и Іоанна — *κρατοῦντος δὲ αὐτοῦ τὸν Πέτρον καὶ τὸν Ἰωάννην* — то весь народъ въ изумленіи сбѣжался къ нимѣ *πρὸς αὐτούς* въ притворъ, называемый Соломоновымъ» (3, 11), послѣ чего начинаетъ проповѣдь, также какъ и послѣ Пятидесятницы, ап. Петръ, тѣмъ осуществляя свое первоапостольство. Однако, появленіе столь необычайной у синоптиковъ двоицы, и именно какъ двоицы (можетъ ли быть рѣчь о случайности ихъ совместнаго пребыванія въ столь важный и торжественный моментъ въ исторіи апостольской церкви?) заслуживаетъ соотвѣтственнаго вниманія. Тоже слѣдуетъ сказать и о продолженіи этого разсказа о первоапостольской двоицѣ. Хотя говорилъ только Петръ, однако отвѣтственны оказались оба Дѣписатель повѣствуетъ такъ: когда они говорили къ народу *λαλοῦντων δὲ αὐτῶν* (опять во множественномъ числѣ), къ нимъ приступили священники и начальники стражи при храмѣ и саддукеи, досадуя на то, что *они учатъ и проповѣдуютъ* — *διὰ τὸ διδάσκειν αὐτούς* — и наложили на нихъ руки (Д. А. 4, 1-3 сл.). На слѣдующій день, «поставивъ ихъ посреди, спрашивали: какою силою или какимъ именемъ вы сдѣлали это?». Отвѣчаетъ снова Петръ, «исполнившись Духа Святаго», отъ лица двоицы (если отъ насъ сегодня требуютъ отвѣта — *εἰ ἡμεῖς σήμερον ἀνακρινόμεθα* — 4, 7), причемъ также этотъ отвѣтъ и понимается: «видя смѣлость Петра и Іоанна и примѣтивъ, что они люди некнижные и простые,

они удивлялись» (Д. А. 4, 13). Затѣмъ удаливъ ихъ и снова призвавъ, они «приказали имъ отнюдь не говорить и не учить о имени Іисуса. Но Петръ и Іоаннъ сказали въ отвѣтъ: судите, справедливо ли предъ Богомъ — слушать васъ болѣе, чѣмъ Бога? Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали» (4, 18-20). Замѣчательно заканчивается этотъ рассказъ о первомъ чудѣ, первомъ испытаніи и первомъ дерзновеніи предъ властями міра сего, которое было явлено двоицей первоапостоловъ. Когда они рассказали обо всемъ происшедшемъ своимъ (*πρὸς τοὺς ἰδίους*), послѣдніе вознесли единодушно молитву о томъ, чтобы Богъ укрѣпилъ рабовъ Своихъ предъ лицомъ угрожающаго гоненія, «и, по молитвѣ ихъ, поколебалось мѣсто, гдѣ они были собраны, и исполнились всѣ Духа Святаго, и говорили Слово Божіе съ дерзновеніемъ». (Д. А. 4, 31). То былъ значительный моментъ новаго самоосознанія и самоопредѣленія воинствующей церкви, и во главѣ ея при этомъ стоитъ двоица первоапостольская, какъ высшее воплощеніе церковнаго самосознанія. Этого факта нисколько не умаляетъ въ его значеніи то обстоятельство, что непосредственно выступаетъ цѣлителемъ и проповѣдникомъ ап. Петръ, однако въ нераздѣльности отъ Іоанна, какъ это подтверждается разными деталями повѣствованія. Это соотвѣтствуетъ и чину ап. Петра, ибо ему принадлежитъ первенство старѣйшинства, представительства, внѣшняго авторитета, тогда какъ Іоанну сила вліянія, авторитетъ внутренній. Поэтому представителемъ апостольской церкви *ad extra* неизмѣнно и выступаетъ ап. Петръ въ обладаніи первоапостолскаго

жезла, «ключарь» Христовъ: при избраніи апостола вмѣсто Іуды (Д. А. 1, 15-22); въ проповѣди послѣ сошествія Св. Духа (2, 14-16) и принятіи Іудеевъ (2, 37-40); въ первой проповѣди во храмѣ (3, 12-26); въ произнесеніи приговора противъ Ананіи и Сапфиры (5, 1-11), въ принятіи въ церковь язычниковъ (10), въ формулированіи мнѣнія апостольскаго собора (15, 7-11)*). Но это свойство старшинства Петрова отнюдь не дѣлаетъ его единственнымъ полномочнымъ главою апостольства, какъ это и вытекаетъ изъ только что разсмотрѣннаго разсказа, гдѣ, какъ мы видѣли, Іоанну принадлежитъ не пассивная роль только спутника Петра, раздѣлявшаго съ нимъ послѣдствія его поступковъ. Но это же самое мы видимъ еще разъ въ одинъ изъ рѣшительныхъ моментовъ въ жизни первенствующей церкви, когда дѣеписатель опять говоритъ о двоицѣ первоапостольской: передъ проповѣдью среди самарянъ. Рѣшиться на то, чтобы понести проповѣдь крещенія къ самарянамъ, при вѣковомъ противъ нихъ предубѣжденіи, было нелегко. И вотъ мы видимъ, какъ «находившіемся въ Іерусалимѣ апостолы, услышавъ, что самаряне приняли слово Божіе, послали къ нимъ *Петра и Іоанна*, которые, пришедши, помолились о нихъ, чтобы они приняли Духа Святаго» (Д. А. 8, 14-15). Эта посылка, конечно, не означаетъ низшаго служебнаго положенія двоицы первоапостольской среди

*) Поэтому нельзя согласиться съ d'Herbigny (1. e. 1, 220, D), который это событіе излагаетъ такъ: *Primus (Petrus) manifestatur t h a u m a t u r g u s, prima, postquam Jesus Malchum sanavit, facta sanatione (3, 4-7). Coram Ioanne, Petrus omnino eminent, solus loquens et agens: «quod habeo hoc do...; et allevavit eum».*

двѣнадцати апостоловъ, но свидѣтельствуеть именно о высшемъ ихъ авторитетѣ, въ силу котораго они и могли принять тамъ важныя и отвѣтственныя рѣшенія и совершить соотвѣтственныя дѣйствія; однако, для этого оказывается недостаточно и одного Петра, но посылается именно первоапостольская двоица*). «Тогда возложили руки *ἐπιτίθεσαν τὰς χεῖρας* на нихъ (на самарянъ), и они приняли Духа Святаго» (3, 17). Актъ низведенія Св. Духа чрезъ хиротезію былъ совершенъ первоапостольской двоицей въ совокупности, — примѣчательный и въ своемъ родѣ единственный случай. Далѣе слѣдуетъ рассказъ о Симонѣ волхвѣ, который, видѣвъ происшедшее, «принесъ *имъ* деньги, говоря: *дайте* и мнѣ власть сію» (8, 18-19), причемъ отвѣчаетъ ему, какъ обычно для двоицы, ап. Петръ. Послѣ сего «они, засвидѣтельствовавъ и проповѣдовавъ слово Господне, обратно пошли въ Іерусалимъ» (8, 25). Этимъ исчерпываются случаи упоминанія первоапостольской двоицы у синоптиковъ. Въ посланіи къ Галатамъ 2, 9 ап. Павелъ называетъ апостола Іоанна вмѣстѣ съ Іаковомъ и Кифой «столпами» (церкви). Ихъ не много, но они весьма выразительны.

Апостола Іоанна мы знаемъ еще какъ автора трехъ соборныхъ посланій и Апокалипсиса. Что касается посланій, то, представляя собой проповѣдь любви, они, вмѣстѣ съ Евангеліемъ Іоанна, образуютъ собой какъ бы

*) Ср. d'Herbigny (I, 222, § 161, 1), который, конечно, останавливается лишь на миссіи Петра: *ipsa Petri auctoritas videtur requiri*, не взирая на то, что на самомъ дѣлѣ посылается не Петръ, а двоица, и требуется авторитетъ именно послѣдней.

новый завѣтъ въ Новомъ Завѣтѣ. Въ интересующемъ же насъ отношеніи, съ точки зрѣнія первоапостольства Іоаннова, заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что возлюбленный ученикъ Христовъ здѣсь даетъ вѣрнымъ опредѣленное предвареніе объ антихристѣ, который уже дѣйствуетъ въ мірѣ, и въ этомъ смыслѣ началось «послѣднее время», хотя еще и долгій срокъ потребуется для его созрѣванія: «дѣти! послѣднее время! И, какъ вы слышали, что придетъ антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ» (1 Іо. 2, 18). Ср. 1 Іо. 4, 3; 2 Іо. 1, 7. Объ явленіи «звѣря», антихриста, подробнѣе повѣствуется въ Апокалипсисѣ: «и отверзъ онъ уста свои для хулы на Бога» и т. д. (Апок. 13, 5-8). Это предвареніе объ антихристѣ, которое встрѣчается еще у ап. Павла: 2 Тим. 2, 3-10, не только имѣетъ величайшую важность, но и является актомъ власти первоапостольской. Есть разница между вразумленіемъ солунскихъ христіанъ со стороны ап. Павла и торжественнымъ какъ бы объявленіемъ войны уже дѣйствующему антихристу,*) которое имѣемъ мы у Іоанна. Торжественнымъ

*) Даже и Вл. Соловьевъ въ Повѣсти объ антихристѣ первое опознаніе и обличеніе антихриста влагаетъ въ уста старца Іоанна, вождя восточнаго христіанства, въ которомъ онъ, очевидно, и самъ видитъ апостола Іоанна. Художественная форма затрудняетъ здѣсь точное уразумѣніе богословскихъ идей Вл. Соловьева, но мы не умѣемъ иначе его понять, какъ въ духѣ ученія о двухъ первоапостолахъ, двойномъ приматѣ вселенскаго христіанства. (Наиболѣе неясны его идеи о Павлѣ — Pauli). — Въ такомъ случаѣ, болѣе раннія точки зрѣнія Вл. Соловьева — о приматѣ одного Петра, — въ *La Russie et l'Eglise universelle*, должны быть пересмотрѣны и соотвѣтственно осложнены въ духѣ позднѣйшаго ученія, которое болѣе соотвѣтствуетъ и первоначальнымъ замысламъ В. С. Соловьева о

и величественнымъ свидѣтельствомъ о первоапостольствѣ Іоанна является его Апокалипсисъ, данное ему Откровене. Іоаннъ есть новозавѣтный пророкъ между апостолами и единственный апостоль между пророками**). Кромѣ того, онъ вообще есть единственный новозавѣтный пророкъ, запечатывающій словомъ своимъ весь Новый За-вѣтъ. Апостоль-пророкъ онъ есть сослужитель Ангела Божьяго, открывающаго ему тайны: «Я, Іоаннъ, видѣлъ и слышалъ сіе. Когда же услышалъ и увидѣлъ, палъ къ ногамъ Ангела, показывающаго мнѣ сіе, чтобы поклониться (ему). Но онъ сказалъ мнѣ: смотри, не дѣлай сего; ибо я сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ пророкамъ и соблюдающимъ слова книги сей; Богу поклонись»

«соединеніи церквей» и «мирѣ востока и запада». Въ католической апологетикѣ использованъ лишь заключительный мотивъ — о первоапостольствѣ Іоанна, (ср. напр. d'Herbigny *L'Unité dans le Christ*, 25-6. Также *Un Newmann russe*, passim).

**.) Любопытное признаніе послѣ взятія Константинополя крестоносцами въ 1204 г. вырывается въ посланіи папы Иннокентія III: «Петръ основалъ только одну церковь, именно *unum sanctum ecclesiarum omnium*, Іоаннъ же въ Азіи нѣсколько. Марія Магдалина возвѣстила воскресеніе Господа Петру и Іоанну. Послѣдній впереди перваго пошелъ ко гробу, заглянулъ, но не вошелъ. Подобнымъ образомъ и греческій народъ получилъ проповѣдь Евангелія раньше латинскаго, но не воспринялъ, п. ч. греческіе учителя ни раньше, ни теперь, за исключеніемъ очень немногихъ, не достигли полнаго пониманія В. Завѣта и глубокихъ тайнъ Божества, тогда какъ латинскій народъ проникнулъ во внутреннія и глубокія тайны. Апостоль имѣлъ въ виду грековъ, когда онъ говорилъ о себѣ: они не вѣдали еще писанія Іо. 20, 9. Латинскій народъ имѣетъ типъ Христа; греческій народъ, который получилъ Іоанна, есть типъ Св. Духа... И всетаки отказывается греческій народъ — типъ Св. Духа, научиться отъ латинскаго, что Духъ исходитъ и отъ Сына» (Migne, P. L., t. 215, col. 457-8).

(Апок. 22, 8-9). И раньше того: «я палъ къ ногамъ его (ангела), чтобы поклониться ему, но онъ сказалъ мнѣ: смотри, не дѣлай сего; я сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ, имѣющимъ свидѣтельство Іисусово; Богу поклонись, ибо въ свидѣтельство Іисусово есть духъ пророчества» (19. 10). Откровеніе, данное Іоанну черезъ Ангела, есть «откровеніе Іисуса Христа, которое далъ ему Богъ, чтобы показать рабамъ своимъ, чему надлежитъ быть вскорѣ. И онъ показалъ, пославъ (оное) чрезъ Ангела Своего рабу Своему Іоанну» (Апок. I. 1-2). При этомъ Іоаннъ выступаетъ не только какъ свидѣтель и хранитель тайнъ Божіихъ, но и какъ первостоятель семи церквей, находящихся въ Азіи (символически же за этими семью церквами скрывается семь образовъ вселенскаго христіанства, судебъ Церкви Христовой въ мірѣ, — соотвѣтственно духамъ у престола Его и семи золотымъ свѣтильникамъ и священной седмицицѣ даровъ Св. Духа). Этимъ семи асійскимъ церквамъ, а чрезъ нихъ и всей церкви вселенской, *urbi et orbi*, посылаетъ Іоаннъ свое апостольское благословеніе: «благодать вамъ и миръ отъ Того, Который есть, былъ и грядетъ, и отъ семи духовъ, находящихся предъ престоломъ Его, и отъ Іисуса Христа» (1, 4-5). Іоанну открываются судьбы церкви, — не помѣстныхъ только восточныхъ церквей по отношенію къ которымъ онъ является неоспоримымъ главой и первостоятелемъ,*) но и всей все-

*) Извѣстно, что въ спорахъ о празднованіи Пасхи, которые происходили между востокомъ и западомъ, восточные въ защиту своей практики ссылались на то, что такъ праздновалъ ап. Іоаннъ, и тѣмъ оспаривали требованія апостольскаго престола (Euseb. Hist. V, 27, письмо св. Поликарпа)

ленской церкви на всѣ времена до самого второго пришествія Христова и до новаго неба и новой земли и схождения небснаго Іерусалима. Избраніе для этого Откровенія само по себѣ, даже если бы оно и не относилось къ возлюбленному ученику Христову, есть уже возведеніе въ пророчественное первоапостольство. Здѣсь же оно увѣнчиваетъ первоапостольство, пріобрѣтенное еще въ земные дни Спасителя. *) Вѣдь, предположимъ на одну минуту, что Откровеніе дано было бы не Іоанну, но Петру: какое потрясающее свидѣтельство въ пользу примата Петрова въ этомъ было бы усмотрѣно! Тому, кому ввѣрена забота о всей церкви и управленіе ею, ввѣряется и вѣдѣніе будущихъ ея судебъ. Но, вѣдь подобное же заключеніе напрашивается и въ отношеніи Іоанна, первоапостольство котораго, несомнѣнно, свидѣтельствуется и даннымъ ему Откровеніемъ. Не надо преувеличивать: значеніе его можно и должно понимать лишь въ свѣтѣ того, что мы уже знаемъ изъ Евангелія о немъ (какъ это слѣдовало бы и относительно Петра). Фактъ Откровенія самъ по себѣ не устанавливаетъ перво-

*) Іоаннъ «какъ жрецъ» — *ierevs* — носилъ, по преданію, золотую первосвященническую дощечку на лбу (Поликарпъ), *fuit summus sacerdos et, pontificale petalon gessit* (Rufinus), *et pontifex, auream laminam in fronte portans* (Hieron).

Попытка истолковать Іс. 21, 22 въ томъ смыслѣ, что слова Спасителя исполнились въ Апокалипсисѣ («если хочу, да пребываетъ, пока пріиду»), помимо явной натяжки опровергается и тѣмъ, твердо стоящимъ фактомъ, что Откровеніе Іоанново написано около временъ Нерона и, во всякомъ случаѣ, ранѣе Евангелія, стало быть, предполагается уже послѣднимъ, а потому не можетъ быть использовано для исполненія его пророчества.

апостольства, но и онъ свидѣтельствуемъ о немъ и долженъ быть понятъ въ связи съ нимъ, какъ его раскрытіе и подтвержденіе. И обратно, отсутствіе откровенія у первоапостола Петра свидѣтельствуемъ, что примать Петровъ, имѣя первосвященство, не включаетъ пророчества и, слѣдовательно внутренно имъ ограничивается. И уже во всякомъ случаѣ, видѣть въ немъ полноту всѣхъ служеній, не только первосвященническаго, но и царскаго и пророчесвеннаго, какъ принято въ католическомъ богословіи, нѣтъ основанія,*) ибо находится въ противорѣчій съ фактомъ одного только Іоаннова Апокалипсиса. Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется еще и другое различіе между двумя образами первоапостольства. Священство — преемственно какъ въ ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной церкви. Напротивъ, пророческое служеніе единолично и не знаетъ преемственной передачи. Кромѣ того, если допускать, что любимый ученикъ не вкусилъ общечеловѣческой смерти и невѣдомымъ образомъ *пребываетъ*, то и преемство дѣлается не только излишнимъ, но и невозможнымъ въ виду того, что онъ самъ незримо пасеть стадо свое, пророчесвенно его вдохновляя. По крайней мѣрѣ, домыслы эти напрашиваются сами собою, при обзорѣніи всѣхъ данныхъ, сюда относящихся.

Эти экзегетическія наблюденія отдаемъ мы нынѣ на судъ компетентной критики въ полномъ сознаніи того, насколько трудна и отвѣтственна эта область и сколь ограниченными въ ней являются единоличныя

*) Ср. напр., Phillips, Kirchenrecht, 1, § 14-16; Petri hohes Priesterthum. P. prophetisches Lehramt, P. Konigthum.

усилія. Само собою разумѣется, устанавливаемый здѣсь фактъ двойственнаго первоапостольства Петра и Іоанна*) ставить на очередь цѣлый рядъ и дальнѣйшихъ принципиальныхъ вопросовъ первостепенной важности, преимущественно изъ области ученія о Церкви. Однако, сами эти вопросы выходятъ уже за предѣлы настоящаго очерка.

Лѣто 1923 г.

*) Это мнѣніе не ново въ святоотеческой литературѣ. Такъ св. Теодоръ Студитъ называетъ Іоанна, между прочимъ, *ισόπετρος* равный Петру (Laudatio St. Joan. Evang. 10-12. Migne, P. G. 99, 784 C. 785 A, 788 B). Св. Кириллъ Александрійскій также пишетъ: «Петръ же и Іоаннъ оба были апостолами и святыми, и равной мѣры *ισομέρους* почестями и силами надѣленными чрезъ Духа Св. нашимъ Спасителемъ Христомъ. Поэтому изъ равномѣрнаго достоинства *ἐκ ἰσομέρους ἀξίας* или власти *ἀθεντίας* неужели они почитались, двое какъ бы за одного человѣка». (Adv. Nest. II, 1. Migne, P. G. 76, 65 B). Въ соборномъ посланіи къ Несторію онъ называетъ Петра и Іоанна *ἰσοτιμοί*, равночестными, насколько они апостолы и св. ученики (Migne P. G. 77, 112 B) Характерно, что это сопоставленіе употребляется св. отцомъ для того, чтобы опровергнуть раздѣляющихъ божескую и человѣческую вѣстасъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Въ качествѣ примѣра онъ и указываетъ, что апостолы Петръ и Іоаннъ при всемъ своемъ равенствѣ въ чести и власти апостольской однако не сливаются въ одно лицо. Т. о. самый смыслъ этого сравненія, *tertium comparationis*, еще болѣе усиливаетъ мысль св. отца о совершенномъ равенствѣ и подобіи апостоловъ Петра и Павла. Св. Іоаннъ Златоустъ (бесѣда 88 на Ев. Іоанна) замѣчаетъ объ апостолахъ Петрѣ и Іоаннѣ: «они должны были принять на себя попеченіе о вселенной» (м. 8, кн. 2, стр. 601).

